

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

ИГОРЬ ДЕМИН

ТАРЧ

ИДДК

S-T-I-K-S

Игорь Демин
S-T-I-K-S. Тарч

«ИДДК»

2021

Демин И.

S-T-I-K-S. Тарч / И. Демин — «ИДДК», 2021 — (S-T-I-K-S)

Максим не умеет стрелять, не разбивает кулаками кирпичи, да и драки у подъезда постарается избежать. Он счастлив в браке, воспитывает дочь, дружит с соседями, работает на заводе. Жизнь Максима была тихой и спокойной, наполненной привычными семейными радостями, пока однажды за окнами не за клубился зеленый туман. Жестокий мир Уля каждую минуту перемалывает миллионы человеческих жизней. Что ждет здесь ничем не примечательного человека, кроме боли и страданий?

© Демин И., 2021

© ИДДК, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Дёмин
Миры Артёма Каменистого. S-T-I-K-S
Тарч

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Дёмин Игорь

© ИДДК

* * *

Пролог

Цыган пришёл к месту будущей охоты заранее и тщательно подготовил укрытие. Аккуратно вырезал кусок дёрна, вырыл похожее на нору углубление, куда помещался целиком, вместе с оружием и рюкзаком, и замаскировал вход. Сухая земля, удобный туристический коврик, пара банок тушёнки и бутылка живчика – что ещё нужно опытному рейдеру, чтобы переждать время? Только хороший отвлекающий манёвр.

Цыган умел становиться невидимым, и в прямом, и в переносном смысле, но сейчас необходимости в этом не было. Лёжа в укрытии, рейдер в перекрестье прицела винтовки наблюдал за парнем, который в ближайшее время обязательно привлечёт внимание всех наводнивших окрестности монстров.

Судя по неосторожному поведению и судорожным бессмысленным перемещениям, молодой рейдер впервые был на охоте. Он перебегал с места на место, зачем-то залез на дерево и слез с него, двинулся в сторону расположенного недалеко одинокого хутора, передумал и залёг в поле. Позицию в невысокой траве не смог бы рассмотреть только совсем уж слабый неразвитый мутант, от голода не способный видеть дальше собственного носа. А значит, счётчик жизни парня отсчитывал последние минуты.

Цыгана радовало подобное соседство. Способов отвлечь мутантов от лежища немало. Например, создать в стороне шумовые эффекты, вылить ведро крови или бросить тушу свиньи, выпустить испуганного до бешенства кота, предварительно плеснув под хвост скипидаром. Но лучшего способа отвести монстров в сторону, чем бегающий неподалёку живой человек, было не придумать.

Долго ждать не пришлось. Монстры подошли с двух сторон, крадучись, двигаясь на запах. Кровожадно урчали и роняли в предчувствии добычи слюну. Увидели жертву, бросились вперёд наперегонки, прикидывая, что придётся делать в первую очередь – хватать беззащитного человека или сцепиться с конкурентом, в бою вырывая право на эволюцию.

Лежавший в траве парень вовремя заметил опасность, когда ещё можно было спастись, но впал в панику и вместо того, чтобы отбежать подальше, заставить мутантов встать на одну линию, дать подойти ближе и расстрелять в упор – открыл бессмысленную беспорядочную стрельбу, толку от которой не было. Крутил головой, переводил автомат с одного врага на другого, выпустил длинную очередь; но в тот момент, когда в рожке кончились патроны, его участь была решена.

Цыган подумал, что без проблем снимет обоих мутантов двумя выстрелами. Это спасёт неизвестного человека, но рассекретит с трудом созданное укрытие. Подставит под удар уже не одну, а две жизни. Почему этот новичок решил выйти в одиночный рейд, не имея ни опыта, ни знаний, да и, что уж там, ума? Почему не сидит под тентом грузовика, идущего в составе колонны военной техники, с пятнадцатью такими же безропотными исполнителями приказов? Ведь эта колонна уже едет, совсем недалеко, и цели у большого отряда такие же, как и у Цыгана – вдоволь поохотиться. Но парень предпочёл одиночный рейд, когда спину никто не прикрывает, и рассчитывать может только на собственные силы. Это его решение. И ему нести ответственность.

Схватка, между тем, перешла в завершающую стадию. Парень достал нож и приготовился дорожке продать жизнь, но один из мутантов вырвался вперёд и стремительно врезался в человека, преодолев одним длинным прыжком расстояние не меньше пяти метров. Не было никакой пугающей стойки, громкого рыка, кроме урчания, непрерывно доносящегося из пасти зверя – только один непреодолимый голод и желание убивать ради насыщения, которое принесёт временное, но такое приятное облегчение.

Человек был сбит и разорван пополам за считанные секунды. Ещё в полёте монстр раздробил ему голову и начал отрывать конечности, но подоспевший конкурент не дал насладиться пиршеством в одиночестве. Победа над жертвой временно примирила противников. Они ухватили тело с двух сторон, в несколько рывков разорвали, и каждый схватил по половине. Мутанты начали торопливо вгрызаться в мясо, ещё пока не способные проглатывать части тела целиком. Причина для спешки была – на звуки схватки со всех сторон спешили новые хищники.

– Это Улей, парень, – прошептал под нос Цыган, отполз в глубину норы и закрыл вход заранее подготовленным дёрном. За убежище он не беспокоился. Даже если среди сбежавшихся на звук схватки мутантов имелись особи с достаточным обонянием, чтобы взять вчерашний след, это не играло роли. По земле уже начал расползаться едкий кисловатый запах, возвещавший о том, что рейдер, мутанты и приближающаяся колонна не зря пришли сегодня в это место.

Цыгану не нужно было смотреть глазами, чтобы ясно представить, что происходило снаружи. За холмом начинались городские кварталы. Сейчас они были мертвы: пустые дороги и дворы, пустые многоэтажки с расколотыми окнами и выбитыми дверями, обгоревшие от случайных никем не затушенных пожаров, насквозь провонявшие запахом разлагающихся трупов.

Скоро всё изменится. По дорогам и дворам начнёт расползаться зеленоватый туман, распространяя вокруг кислый противный запах. Он проникнет везде, пробьётся в каждую щёлку, материализуется, словно из пустоты, в каждом помещении, даже если оно герметично закрыто. Скоро город будет представлять собой облако тумана, в котором пропадут все материальные объекты – от многоэтажных домов до пыли и бактерий. Пропадут, чтобы возникнуть вновь, но уже другими.

Город оживёт. Туман схлынет, пропадая, как и возник, из ниоткуда в никуда. Станут целыми разрушенные стены. Заворчат двигателями недавно разбитые и расплюснутые автомобили. Люди, те же самые, что ещё недавно были разорванными в клочья трупами, займутся ежедневными заботами.

И в этот момент в город хлынут мутанты. Пока немного, всего несколько десятков. Они затеряются в спальных районах, и люди не сразу сообразят, что проснулись в маленьком апокалипсисе. Но пройдёт несколько часов, и территория города станет аренной жестокой кровопролитной битвы. Люди начнут бой за право на существование, и вести его придётся не только с монстрами, но и с соседями, друзьями и родственниками. Тысячи трагедий будут вспыхивать и тут же гаснуть в каждой квартире, где найдутся хотя бы два человека.

Цыган сплюнул, повернулся так, чтобы спина не касалась холодной стенки норы, и поправил накренившийся рюкзак. В предстоящей катастрофе он не собирался становиться ни спасителем, ни жертвой, ни героем. Со своей ролью рейдер определился давно и не собирался отступать от неё ни на шаг.

Глава 1

Туман

Субботнее утро встретило Максима ломотой в висках и нежеланием вставать с кровати. Запланированный ещё неделю назад отъезд жены с дочкой на выходные в деревню к тёще позволил наполнить вчерашний вечер простыми холостяцкими радостями – пивом, парой скачанных с торрентов боевиков и несколькими часами игры в уже забытые компьютерные стратегии. Активные возлияния привели к ожидаемым последствиям: сухости во рту, головной боли и вялости. Повалившись несколько минут, Максим понял, что в сон уже не провалится. Встал, натянул носки и побрёл на кухню согреться горячим чаем и будить аппетит. После хорошего завтрака похмелье обязательно ослабнет, а то и вовсе уйдёт, избавив от головной боли и оставив после себя только усталость и внутреннюю опустошённость.

На кухне стоял кисловатый запах вчерашнего пива, а сквозь шторы пробивался мрачный серый свет пасмурного неба – ночью шёл моросящий дождь, сменившийся ближе к рассвету странным зеленоватым туманом. Туман был настолько плотным, что Максим тогда невольно представил, как автомобили на дорогах включают аварийные сигналы и жмутся к обочинам – переждать опасное для быстрой езды время. Максим подошёл к раковине, щёлкнул переключателем на стоящем рядом чайнике и повернул ручку крана – умыться. Кран отреагировал на включение неожиданно – выплюнул немного грязной воды, издал всасывающий звук и, слегка вздрогнув, замолчал.

– Самое время, – вслух сказал Максим и невольно оглянулся на чайник, который уже должен был заворчать, предвещая близкое кипение, но стоял тихо, не подавая никаких признаков работы.

– И что это? Ни электричества, ни воды? – буркнул мужчина, и нажал на выключатель света. Лампочка не зажглась.

– Да что? – негромко выругавшись, Максим поднёс спичку к газовой плите – реакции не последовало. Уже не надеясь на хороший исход и внутренне подготавливаясь к самым худшим новостям, он взял в руки смартфон и некоторое время смотрел на иконку отсутствия связи.

Проблем не хотелось. Не хотелось совсем. Уж слишком ждал он эти выходные. Рассчитывал посвятить их только себе: долгожданному безделью и собственным планам. Сходить в соседнюю пиццерию и пожрать фастфуда. К вечеру нажарить мяса с луком и съесть, запивая горькой настойкой; разобрать балкон, где лежали в основном его личные вещи: велосипед, снаряжение для рыбалки, зимняя резина в пакетах, разбросанные во время последнего ремонта инструменты, и много что ещё, необходимое любому мужчине, но без должного внимания захламляющее всё вокруг. Прожить пару дней в тишине, спокойствии, с необходимостью заниматься только теми делами, которыми хочешь заниматься сам – для любого мужчины в браке бесценно.

Но чем дольше Максим думал о сложившейся ситуации, тем меньше он сожалел о своих планах на выходные. Их загораживали более серьёзные и насущные проблемы. «Что это? Природный катаклизм? Война? Что я проспал? Революция?» – тревожные мысли одна за другой проворачивались в не перестававшей болеть голове. «Надо брать себя в руки. Составить план действий. Прикинуть запас воды. Как-то узнать, что происходит. Узнать, работают ли магазины, и купить всё, что получится. И сразу в машину – ехать за семьёй, или к семье в деревню – в зависимости от результатов. Полный бак заправить, если заправки работают», – сам с собой обсудил Максим, и отправил в себя полстакана стоявшего на столе ещё с ночи сладкого чая вместе с таблеткой болеутоляющего, привычного спутника похмелья.

Проглотил таблетку и подошёл к окну, оценить обстановку. Двор стоял пустой, и такой же серый, как небо. Ранняя осень ещё не оголила деревья, но уже обесцветила их, лишив природу летних красок, а до великолепия золотого бабьего лета было ещё слишком далеко. Судя по небу, сейчас около часа дня. «Раз уже обед, то дело плохо. Магазины уже закрылись. Без света они не работают», – прикинул Максим.

– А где все люди-то?

Во дворе не было ни души. Не сидели на лавочке под молодым высаженным во время общедомового субботника тополем любители утренних возлияний, продавшие зелёному змию душу за лёгкое беззаботное существование. У подъезда не обсуждали проходящую молодёжь не по погоде одетые в тёплые куртки и пальто старушки. Не толкали коляски, пробираясь через бордюры и лужи, молодые мамочки. Не проходили через двор спешащие куда-то по своим делам прохожие. Двор практически никогда не был пустым. Сейчас же – никого.

– Я что, проспал эвакуацию? Да вряд ли. Это проходило бы шумно и громко, да и стучались бы в каждую квартиру.

И тут Максим понял, что тревожило больше всего наряду с безлюдностью улицы – автомобили. Ими были заставлены все парковки. Обычное дело для субботнего утра, но совершенно непонятное для обеденного времени. Если все жители вдруг куда-то решили уехать, то почему не на своих машинах? Это же самое очевидное при опасности. Схватил ключи, документы, деньги, запрыгнул в автомобиль и, с ходу набрав скорость, вырывался из каменных джунглей.

Надо валить в деревню. Возможно, коммунальный коллапс – это ненадолго. Но исчезнувшие разом вода, газ, свет и мобильная связь упорно намекали на обратное. Да и отсутствие людей на улицах напрягало не меньше – надо было срочно выбираться за пределы квартиры и пытаться понять, что он проспал из-за вчерашней, кажущейся теперь такой несвоевременной, пьянки.

За окном раздался душераздирающий женский крик. Он привёл Максима в ступор и спровоцировал резкий выброс адреналина. Сердце застучало. Волосы на теле встали дыбом. Женщина кричала где-то тут, во дворе, и скорее всего – совсем рядом с домом. И не так, как кричат, убегая от перепившего мужа или подбегая к упавшему с качели ребёнку – а от смертельного ужаса, отчаянного понимания, что кричать бесполезно, но не кричать – не получается. Звук её голоса леденил кровь и парализовал мышцы. От него хотелось спрятаться, забиться в дальний угол, зажать уши и долго их не отпускать, пока опасность не пролетит мимо.

Крик раздался ещё раз и больше не повторялся, сменившись на негромкий странно звучащий рык крупного животного. Собака? Слишком уж громко для собаки. Да и вряд ли даже самый крупный пёс, напав на человека, сможет прекратить его крик вот так, за одно мгновение.

Зачем-то крадучись – хотя чего бояться у себя в квартире, скорее наоборот, надо чем-то вооружиться и бежать спасать женщину – Максим подошёл к окну кухни и, стараясь не высовываться из-за занавески, посмотрел вниз. Увиденное вогнало его в состояние неподвижного недоумения. Между подъездами, чуть дальше парковочного кармана, у детской площадки стоял на четырёх лапах огромный зверь тёмного серого окраса. Согнувшись над чем-то, что, скорее всего, только что было кричащей женщиной, монстр методично склонял морду, отрывал от тела куски и глотал, не жуя. Размером с хороший джип, зверь не имел ничего общего ни с одним живым существом, о которых знал Максим. Да и вообще не имел ничего общего с земными организмами: спина, бока и задние ноги были покрыты толстыми пластинами, наслаивающимися друг на друга как чешуя; передние лапы походили скорее на руки, длинные, мощные, увитые выпирающими буграми мышц. Монстр был похож на собаку, льва и броненосца одновременно, но поражал не столько внешним видом, сколько размером. Не бывает таких огромных хищников.

Дам-м-м! Сильный удар во входную стальную дверь раздался по квартире громким вибрирующим звуком, едва не вызвав у и так порядочно испуганного Максима приступ «медвежьей болезни».

– Чёрт, так и обделаться не долго, – выдохнул он, отшатнувшись от неожиданности от окна и схватившись, чтобы не упасть, за столешницу кухонного гарнитура.

Дам-м-м! Удар снова повторился, заставив хозяина квартиры отойти ещё дальше, вглубь комнаты, и затаиться.

Максим подождал немного, прокрался в коридор, стараясь не производить даже шороха, и осторожно выглянул в «глазок». В центре лестничной площадки, боком к нему, стоял пожилой человек. Узнать его хозяин квартиры не смог, но это не удивило. В дом они с женой и дочерью переехали три года назад, и узнать всех жильцов времени не хватило.

Открывать дверь и бросаться в расспросы желания не возникло. Было что-то в положении мужчины неуволимо тревожное. Да и удары совсем не походили на вежливый и осторожный стук. Этот дядя скорее с разбегу бился головой о дверь, чем стучал.

Еле дыша, Максим старался понять, что в поведении мужчины напрягало. Человек стоял боком к двери, не меняя позы, но взгляд при этом был направлен в одну точку, куда-то в пересечение лестниц. Туда, где ничего интересного происходить точно не могло. При этом тело мужика слегка раскачивалось – видимо, он перекачивался с носка на пятку и обратно, монотонно и совершенно бессмысленно.

Вдруг голова непонятного субъекта резко дёрнулась вправо, в сторону лестницы на следующий этаж. Мужчина неожиданно заурчал: именно заурчал, как кошка, только на более низких тонах, словно в звуки примешивалось ещё и рычание пса. Причина беспокойства скоро прояснилась – по лестнице спускался человек или кто-то, похожий на человека. Существо медленно переступало со ступеньки на ступеньку, как будто каждый шаг давался с трудом, и тоже угрожающе урчало. Сойдя на последнюю ступень, оно остановилось и полностью предстало перед Максимом. Даже с натяжкой существо нельзя было назвать инопланетным – обычная женщина лет тридцати, почему-то вышедшая в подъезд в халате, растрёпанная, с головы до ног вся чем-то обляпанная, остановившаяся поболтать со знакомым. Вот только общение их происходило с помощью весьма странных звуков, больше похожих на попытку двух хищников запугать друг друга перед дракой.

Простояв так с минуту, существа перестали урчать, и женщина зашагала дальше, по лестнице вниз. Мужчина же опустился на корточки, по большей части пропав из поля зрения, и начал делать странные движения, как будто что-то подбирал с пола и ел. Максим присел и отодвинул со сквозной замочной скважины небольшую задвижку. Увиденное заставило его отшатнуться с громким отчётливым ругательством. Максим завалился на спину и с грохотом упал на обувную стойку.

Сдержатъ болезненный стон не получилось. Мужчина постарался замереть, но звук его падения был услышан. За дверью снова раздалось отрывистое урчание, и громкое «дам-м-м!» возвестило о том, что существо снова попытается взять квартиру штурмом. Что теперь делать, Максим сообразить не успел, так как в подъезде начало происходить что-то новое.

Одна из дверей на лестничной площадке открылась, и вслед за этим раздался необычный звук, как будто большой крепкий арбуз уронили на пол, где он с мягким глухим шлепком треснул, расплескав вокруг красные внутренности. Уже не заботясь о бесшумности, Максим прильнул к замочной скважине и в первый раз за утро обрадовался: у лестницы стоял Кирилл, сосед и хороший знакомый Максима. Он выглядел угрожающе: в руках большой топор для рубки дров, за спиной ружьё, а одежда заляпана кровью. Кирилл стоял на площадке и, тяжело дыша, смотрел на лежащего на полу мужика с наполовину размозженной головой. Топор был взнесён для нового удара, но не опускался – видимо, было уже незачем.

Преодолевая страх, Максим открыл дверь и обратился к соседу:

– Кирилл?

Сосед при звуке открывающейся двери перегруппировался для новой атаки, но, увидев друга, опустил оружие и расслабился.

– Кирилл? Ты в курсе, что тут творится? – Максим старался, чтобы голос не дрожал, – И кто эти уроды?

Кирилл негромко выругался и, указывая топором на один труп за другим, сообщил:

– Этот – Колян с пятого этажа. Эта – тётка с четвёртого, пенсионерка. А это, – он показал на разорванное, наполовину съеденное тело девчонки под ногами: – Наташка с шестого. Знаешь её?

Максим только сейчас понял, что трупов на площадке было три. Первый – мужика, которого Кирилл убил только что. Второй – пожилой женщины, завалился на ведущую вниз лестницу и был почти незаметен. Их головы были рассечены ударами топора, из трещин натекла почерневшая кровь, а лица застыли отвратительными нечеловеческими масками. Между ними, прямо под ногами соседа, лежало тело девушки лет двадцати пяти. И вот оно уже пострадало всерьёз: его разорвали в нескольких местах, вывернули наружу локтевые суставы, обглодали мышцы, вскрыли грудь. Тело лежало лицом в сторону, и только благодаря причёске и цвету волос Максим смог распознать в нём ту девушку, с которой частенько встречался в подъезде. Она всегда проскакивала мимо, оставляя лёгкий сладковатый аромат, волнуя идеальными формами, цоканьем каблучков и задорным улыбчивым «здрассте». От неё всегда оставалось странное чувство двойственности: то ли радоваться, что вот такие девушки здороваются тобой уважительно, напоминая, что ты уже взрослый отец семейства; то ли огорчаться оттого, что время ухлестывания за красотками прошло, и можно только смотреть им вслед, с лёгкой грустью и толикой гордости вспоминая свои молодые годы. А теперь её тело лежало на лестничной площадке залитого кровью подъезда, разодранное на куски теми, кто ещё вчера был её соседями.

Максима начало мутить. Он старался не смотреть на трупы, отводил глаза, но отходящие от первоначального шока органы чувств начали награждать всей полнотой впечатлений. В нос ударил запах крови и испражнений. Желудок тут же подкатил к горлу. Максим рефлекторно сжал большой палец левой руки внутри кулака и надавил – такой нехитрый способ иногда помогал справиться с рвотным рефлексом.

– Давай оттащим пониже, – предложил Кирилл, заглянул на лестницу, ведущую на второй этаж, и нагнулся над телами. Максиму пришлось наклониться и ещё раз взглянуть на лежащие вповалку трупы: на лужи крови, вылетевшие из разбитых голов кусочки мозгов, обглоданные кости, оторванные куски мяса – и тошнота накатила неудержимой волной. Он понял, что не устоит на ногах, шагнул назад, упав на колени рядом с открывшейся настежь дверью, и его непрерывно выворачивало несколько минут, накрывая раз за разом, даже когда стащивать было уже нечем.

Самостоятельно оттащив тела вниз, Кирилл подошёл к всё ещё склонённому Максиму и, похлопав по щеке, спросил:

– Дома есть кто?

Максим ослабевшим голосом попытался что-то сказать, но в итоге только мотнул головой. Кирилл оглянулся в сторону своей квартиры и тихо сказал:

– Пошли тогда к тебе.

Глава 2

Кирилл

Не дожидаясь Максима, Кирилл прошёл на кухню.

– Вода есть? – он оглядел комнату тяжёлым взглядом.

– Из фильтра налей, – хозяин квартиры догнал соседа, вытер рот подвернувшейся тряпкой и смахнул с глаз выступившие от тошноты слёзы.

Кирилл наполнил стакан, сел на пол, облокотившись спиной на шкаф, и стал аккуратно, но жадно пить.

– Кирилл, что происходит, ты в курсе?

– Зомби-апокалипсис. Ты что, фильмов не смотрел? – Кирилл, не вставая, дотянулся до стола и поставил стакан.

– Это что, там – зомби? – в другое время Максим отнёсся бы к подобному заявлению исключительно с иронией, но увиденное на лестничной площадке не оставляло поводов для шуток.

Кирилл ответил вопросом:

– Оружие есть?

– Да откуда? Ты же знаешь, что нет.

– Плохо. Так что твой? – Кирилл сделал движение, как будто хотел заглянуть за косяк дверного проёма, в сторону зала и спальни.

– Уехали вчера в обед, в деревню. Отвёз их обоих, и Надю, и Катю. Завтра за ними планировал.

– Ясно. Хорошо.

Кирилл замолчал, уставился в стену и о чём-то задумался.

– А у тебя Лена там? – Максим кивнул в сторону квартиры соседа.

– Лены нет.

– Тоже уехала?

– Нет.

– А где?

– Нет её больше.

– Вы что, всё-таки разошлись?

– Макс. Её больше нет. Вообще.

Кирилла с Леной нельзя было назвать счастливой парой. Начинался их роман ярко, на зависть подружкам, даже немного напоказ. Высокий, спортивный, успешный по меркам их города Кирилл, получивший в компании очередную, какую-то совершенно запредельную для своих двадцати пяти лет, должность, умел красиво ухаживать, работая скорее на публику, чем от большого желания угодить избраннице. Лена, первое время для вида строившая из себя недоτροгу, с головой окунулась в новый роман, по-женски забыв предыдущие неудачные любовные опыты и даже первый брак, закончившийся через полтора года невнятным, не вызвавшим никаких эмоций разводом. С бывшим мужем, да и со всеми бывшими девушка отношений не сохранила, друзьями не оставалась, старательно пестуя плохие воспоминания, чтобы в следующий раз, как она говорила, «не нарваться на такого же козла». Кирилл же предстал настоящим рыцарем в сверкающих доспехах: умный, элегантный, предупредительный. Приходил с цветами, приглашал в кино и кафе, очаровал подружек и даже маму, пожалуй, и научившую дочку относиться к мужчинам с недоверием, а к отношениям подходить с сугубо прагматичной стороны.

Полугодовой конфетно-букетный период органично и ожидаемо закончился предложением руки и сердца. Произошло это на свадьбе подруги, под музыкальный аккомпанемент и фейерверк, и Лена ответила незамедлительным согласием. Но как нередко бывает, совместная жизнь после свадьбы обернулась для влюблённых – Максим иногда думал, что они оба были больше влюблены в самих себя, чем друг в друга – чередой непонимания и бытовых проблем. Не то, чтобы Лена хотела красивой жизни и бежала от «бытовухи», и не то, чтобы Кирилл не хотел идти на компромисс; но непрекращающиеся трения вокруг банальных, казалось бы, вещей, преследовали пару постоянно. Кирилл несколько раз уходил из своей же квартиры, демонстративно собирая вещи и снимая жильё посуточно в соседнем доме, куда тут же звал Максима отмечать очередной виток свободной жизни. А потом, после недели пьянства и страданий, возвращался к единственной и ненаглядной. Лена к маме не уезжала даже после самых больших и обидных ссор, понимая, что ей возвращаться будет не так просто; но и не скрывала, что в жизни муж оказался намного более ленивым и безынициативным, чем казался в период ухаживаний.

Постоянные трения, ссоры, уходы и возвращения съедали не только силы и нервы, но и годы. Дети укрепляют брак, иногда склеивая совершенно распавшиеся отношения, но за десять лет совместной жизни, изрядно подпорченных чередой семейных кризисов, Кирилл и Лена так и не решились завести ребёнка. А теперь оба были не уверены, что это им вообще нужно. Последний год пара балансировала на грани развода, но каждый раз, когда Кирилл напивался и начинал откровенничать с Максимом, безграничная любовь к хорошей, но стервозной и изрядно надоевшей жене была главной темой вечера. Так и жили: Лена жаловалась на мужа Наде, а Кирилл изливал душу Максиму.

– Она напала на меня. Я спал ещё. Ничего спросонья не понял, – неожиданно начал рассказывать Кирилл, вырывая Максима из воспоминаний. – Вцепилась в руку зубами, да так, что у меня чуть глаза на лоб не полезли. Я оттолкнул, выругался, говорю, ты что, совсем с ума сошла? А она на меня даже не смотрит. Ну... то есть, смотрит, но не так, как когда слушают, а только чтобы снова напасть.

Кирилла говорил медленно, делая между фразами большие паузы, словно воспоминания давались ему с трудом.

– Ору на неё, а она снова на меня бросается. В бедро вцепилась и пытается укусить. Представляешь? Я её снова толкнул. И вдруг, знаешь, чувствую: вот он, повод. Сколько лет ей вмазать хорошенько хотел. Так, чтобы звёзды из глаз, и губы в кровь. Но нельзя, она же женщина. А тут повод – лучше не придумаешь. С кровати соскочил, с другой стороны, а она в обход пошла, снова напасть.

Голос у Кирилла начал срываться, но пока было непонятно, от чего это – от ярости или наворачивающихся слёз.

– И глаза у неё, знаешь... такие... отсутствующие. Вроде и на тебя смотрит, а как будто стекляшки вместо глаз. Круглые стеклянные глаза... Ну, я и решил вмазать ей хорошенько. Пусть в себя придёт. Подходит она, и я влепил ладонью в скулу. Кулаком хотел, но потом подумал, могу ведь и шею сломать.

Кулаки у Кирилла действительно были внушительного размера, а поставленным ударом он мог вырубить и не крупного мужика.

– У неё голова, знаешь, так мотнулась, вместе с плечами, а она даже не замедлилась. Подходит, за лицо и шею хватается, зубами тянется. Я понял – дело плохо. Пнул её в живот, повалил, ударил несколько раз, чтобы не дёргалась. Затихла. Руки и ноги простыней связал, не отходя от кассы. Поднял на кровать, положил на спину и, пока она в отключке – пошёл в скорую звонить. Ну, а куда ещё? Не в ментовку же. Они сразу заметут. Хотя скорая всё равно сообщит им, и всё равно заметут. Ну, хоть время будет жену в порядок привести.

Рассказывал Кирилл, сидя на полу, но при этом старательно изображал происходившее жестами и движениями тела.

– Вышел на кухню. Свет включаю – нет. Воду включаю – нет. Из холодильника всё выворочено. Из морозилки, видно, мясо вытаскивала, уже в бессознanke. Грызть пыталась. Вернулся в спальню – Лена в отключке. Решил наверх подняться, к Владу. Ну, к этому, из сто семнадцатой.

– А что ко мне не стукнулся?

– Да твоей машины на парковке нет.

– Точно. Я же её на улице поставил. На парковке у дома места не было.

– К Владу стучусь – тихо всё. В сто восемнадцатую стучусь – там пара пенсионеров живёт. Ну, ты их, вроде, знаешь. Дверь открыта. Я прошёл. Деда не видно, а бабка на полу под столом валяется. Меня услышала, на колени поднялась. Башкой об стол шваркнулась, думал, разобьёт себе черепушку. Она ползёт ко мне и урчит, у-у-у-ур-р-р-р-р, как кошка, у которой еду отбирают. Лицо всё в крови. Глаза стеклянные, в точности, как у Лены. Ну, я и начал соображать, понимаешь, да? Двери прикрыл и свалил к себе.

– Надо было всё-таки меня разбудить, – раздосадовано махнул рукой Максим, – Вместе бы что-нибудь придумали.

Кирилл рассказывал дальше, словно не слышал слов друга.

– Вхожу, слышу, Ленка в спальне урчит. Прямо как та бабка. Пришла в себя, учуяла, как я по квартире хожу, и бесится от бессилья. Я подошёл, чтобы глаза лучше рассмотреть. Руку на голову положил, а она извернулась и в ладонь зубами вцепилась. Я, можно сказать, на рефлекс снова врезал, отрубил. А сам сел рядом и начал думать.

Кирилл начал загибать пальцы на руке.

– Связи нет. Воды нет. Света нет. Газа нет. Ленку в какого-то зомби превратилась, словно из телевизора вылезла. Я на неё смотрю и, знаешь, так прямо комок к горлу подкатывает. Но головой понимаю – это уже всё, насовсем. Не вылечить и не исправить. Потому что не человек она больше.

– А кто тогда? – голос Максима предательски дрогнул. Выглядеть трусом перед другом не хотелось, но Кирилл и сам не пытался скрыть растерянность и страх. Всегда прямой как струна, подкачанный, улыбчивый, приветливый и уверенный в себе парень сейчас, хоть и хотел казаться злым и решительным, но был явно растерян.

– Я сам долго не верил. Попробовал её одеть, чтобы не в одних трусах в больницу ехать. Натянул джинсы. Начал блузку надевать, а потом бросил. Понял, что смысла уже нет. Оставил её, связанную, лежать, сел рядом и начал думать, что делать дальше.

Кирилл рассказывал, а у Максима снова разболелась голова. В висок неотвратимо вворачивалось медленно вращающееся сверло. Вернулись все прелести похмелья: сухость во рту, слабость в мышцах, туман в голове. Снова захотелось спать или хотя бы положить голову на подушку. Опершись на стену, Максим сел на пол напротив Кирилла и старался не отключиться.

– Подошёл к окну, – продолжил рассказ Кирилл, уже более спокойным тоном. – А там полный двор зомбаков. Представляешь? Кто ползком, кто ходит еле-еле. Ну, и пока они меня не просекли – решил пройтись по подъезду, живых поискать. Я же не превратился в зомби? Значит, и другие должны быть. Выхожу в подъезд, а бабка та, которую я в сто восемнадцатой нашёл, прикинь, сползла по лестнице и ждёт меня. Так на карачках и стояла, видать, всё время. А мне уже всё равно.

Кирилл отчаянно махнул рукой, иллюстрируя то, как он простился с правилами и условностями цивилизации.

– Зомби-апокалипсис! Делай что хочешь и спасайся кто может! В голову ей топором засадил, пнул, чтобы упала, и вверх пошёл. Кровищи от неё было, как будто не бабке голову разбил, а хряка здорового заколол. Ты колол когда-нибудь свиней?

Максима передёрнуло. Он отрицательно махнул головой, но Кирилл снова не обратил внимания на ответ.

– Заходил во все открытые квартиры. Ещё двоих зомби нашёл. Таджики какой-то между балконом и спальней заблудился на восьмом. В комбинезоне строительном. Видать, гастарбайтер, по найму ремонт делал. И девка одна, молодая, из своей комнаты выбраться не смогла. Она, кстати, двух кошаков своих сожрать успела и бегала по комнате вполне бодро. Чуть не укусила меня. Хорошо, я снарядился перед выходом – был в перчатках и в кожаной куртке.

– А в закрытые двери стучался?

– Поначалу да. Но оттуда начали зомбаки ломиться. Я так понимаю, кто из квартиры успел выбраться, пока в сознании, сейчас на улице ходят. А кого сразу накрыло, по квартирам валяются. Они, знаешь, когда никого не видят и не слышат – как будто залипают на одном месте. Поят, переместятся и снова залипают.

Мужчины помолчали, каждый о своём. Максим не стал спрашивать, что в итоге случилось с Леной. Убил её Кирилл или нет – большого значения не имело. Были гораздо более важные вопросы: что происходит, и что делать?

Предложенное Кириллом незамысловатое киношное объяснение подходило ко всему. В него можно было поверить, но ведь не сами по себе люди начали превращаться в зомби? Что послужило началом? Почему превращаются не все? Типичное развитие зомби-апокалипсиса в кино и книгах происходит за счёт передачи вируса во время укуса. Но людей в закрытых квартирах точно никто укусить не мог, а значит, причина заражения была в другом.

– Кирилл, ты вчера бухал?

– Да, так. А что?

– Ну, пил?

– Пил. Пятница же. Мы с Ленкой поругались, вдрызг. Я плюнул на всё, сходил, взял поллитру, в три стакана её победил и спать.

– Да вот я тоже вчера выпил. Пива, правда. Может, кто выпил, того эта зараза не берёт?

– Да кто его знает. А у тебя есть ещё? Руку бы обработать, Ленка же укусила.

Максим достал из холодильника почти пустую оставшуюся ещё с новогодних праздников бутылку водки и передал её соседу. И пока тот обрабатывал рану, снова спросил:

– А с какого хрена это вообще началось?

– В смысле?

– Ну, все эти зомбаки.

– А... Началось... Да откуда я знаю. Говорю же, спал.

– А что думаешь? Люди в закрытых квартирах в зомбаков превратились. А мы с тобой – нет.

– Нас не укусили ещё, – уверенно сказал Кирилл, а потом, посмотрев на свою руку, добавил: – Достаточно сильно, чтобы заразить.

– А их кто укусил? В закрытых квартирах?

– Да не знаю я, что ты пристал? Оружие химическое, наверное. Или воду отравили.

– Бактериологическое.

– Что?

– Оружие говорю, бактериологическое, а не химическое.

– Хрен редьки не слаще. Я начало проспал.

– Я тоже, получается. С час назад всего проснулся.

– Серьёзно? – Кирилл удивлённо посмотрел на Максима. – Мы, получается, с утра оба спали – и оба не заразились. Может, в этом и есть причина?

– Вполне... – после некоторых раздумий сказал Максим. – Но двое – это маловато для выводов. Хотя попадание стопроцентное. Я так понял, ты живых больше не нашёл?

– Нет. Наташка ещё была живая, видать. Которую на площадке у нас сожрали. Я не слышал, когда это произошло.

– Ты говоришь, полный двор зомбаков. Я, как проснулся, смотрел, – Максим с трудом поднялся и подошёл к окну. – Там пусто. А потом монстр здоровенный появился. Женщину – она живая была – догнал и сожрал. Но это всё, больше никого.

Кирилл тоже встал и сделал шаг к занавескам.

– Поначалу их было много. А потом появились здоровяки. Огромные такие, очень сильные монстры. Ты, наверное, одного из таких видел. Едва первый пришёл – обычных зомби как корова языком слизала. Даже те, кто ходить не мог – и те уползти пытались.

Кирилл показал пальцем на детскую площадку.

– Да ты не рассмотрел, вон, глянь, под лестницей один валяется. Его здоровяк догнал, опрокинул, кусок из ноги выдрал и оставил подыхать. Трое вон там, – Кирилл снова указал, теперь в дальний конец двора: – лежат. То ли сдохли, то ли затаились. Они туда от здоровяка прятаться уползли и затихарились, не двигаются.

– А здоровые эти – что, они ушли? – Максим рыскал взглядом по двору, пытаясь отыскать затаившихся монстров.

– Они, я так понял, живых ищут. Несколько раз в окна запрыгивали. Сходу раму выламывают. Видать, если услышат или увидят кого-то. Изредка зомбаков жрут, но, видать, совсем от голодухи. Или от злости.

Звук открывающейся входной двери заставил их синхронно вздрогнуть. В первую секунду показалось, что открывается дверь в их квартиру, но потом стало ясно – это соседняя. Прозвучало тихое глухое урчание. Кирилл прошептал:

– О, Димчик выбрался.

С непосредственными соседями через стенку Максим за три года так и не подружился. Здоровался, улыбался, и даже пару раз получалось поговорить – но дальше дело не шло. Казалось бы, семейные люди, приветливые и улыбочивые, простые на вид, как пять копеек, но контакт не устанавливался. Дмитрий, коренастый невысокий мужчина, работал где-то слесарем, зарабатывал немного, а потому семья вот уже много лет продолжала кататься на старенькой «десятке». Его жена Ирина работала медсестрой в одной из частных клиник города. Они были похожи друг на друга: приятные люди, всегда поддерживающие разговор, если Максим начинал его первым – но при этом молчаливые, сами на контакт дальше традиционного «здравствуйте» не идущие. Их дети, два сына под стать родителям, тенью проскальзывали в подъезде, пробегая куда-то по своим делам, изредка здороваясь и с улыбкой отвечая на приветствие. Имена детей не помнил никто, даже общительный Кирилл. Если Дмитрий или Ирина о них когда-то и рассказывали, то так давно, что все забыли, а переспрашивать было неудобно. На бытовые же вопросы, мол, как дела в школе, не болеют ли – отвечали односложно, не жалуясь на сыновей, но и не нахваливая.

С особенностями соседей Максим быстро смирился. Хотелось бы подружиться со всеми, собирать на праздники полный дом народа – а ещё лучше, как делали его родители в небольшом дворике многоквартирного двухэтажного дома, накрывать стол прямо на улице, под навесом. Но жизнь в многоподъездной высотке шла по своим правилам. Здесь мало кто знал друг друга, да и узнавать не стремился. Люди по утрам в строго определённое время выходили из квартир, молча, задумавшись о дневных делах, спускались в лифте, пробежали последний лестничный пролёт, садились в машины и уезжали, не задерживаясь у подъезда и, зачастую, даже не здороваясь друг с другом. В сорока шести квартирах подъезда жило примерно человек сто, а то и больше. Максим вообще сомневался, что сможет запомнить все их имена, даже если они будут общаться постоянно. Но на деле оказалось ещё хуже – некоторых жильцов подъезда он не видел ни разу из-за несовпадения времени их вбегания-выбегания с выходом Максима на работу и приходом с неё.

– Зомбак? – как можно тише спросил Максим у Кирилла.
– А кто ж.
– Дима? А может быть, Ирина?
– Да не. Женщины урчат по-другому. Этот как пёс крупный. А девки – как кошки, тоньше и громче.

– Что делать будем?
– Мочить надо. Если он тут залипнет – из квартиры мы не выйдем. А начнёт шуметь – с улицы привлечёт толпу. Или здоровяка. Сам говоришь, один где-то здесь трётся.

Кирилл кивнул Максиму в сторону коридора, и они подошли к входной двери. Кирилл встал в стойку, замахнулся топором и шепнул одними губами: «Открывай». Первый удар прошёл мимо. Кирилл не рассчитал расстояние, перевёл замах вниз и неловко ударил по диагонали, не дотянувшись и звонко впечатал топор в стену, сбивая брызги штукатурки. Зомбак моментально развернулся – слишком быстро, намного быстрее своих собратьев – и бросился в атаку. Кирилл отшатнулся, стараясь избежать захвата, почти успел, но мертвяк схватился за левую руку и потянул вниз, наваливаясь всем телом.

– Закрывай! – еле сдержав крик, хрипло рыкнул Кирилл, и Максим попытался захлопнуть дверь. С первого раза не получилось – зомби крепко сжимал руку, то тянул её на себя, то пытался навалиться внутрь.

– Укусит же! Открой! – Максим приоткрыл дверь на треть, и Кирилл, воспользовавшись замешательством нападающего, опустил топор ему на голову. Удар получился слабым, да и зомби успел увернуться, но Кириллу удалось воспользоваться возможностью и вырваться из захвата. Он отдернул руку, отскочил, и Максим захлопнул дверь.

– Сильный, чёрт, – изрядно потрёпанный Кирилл размышлял, что делать дальше.
– Придётся отсиживаться?
– Да сейчас! Он нас уже увидел, теперь не отстанет. Расшумится – тут полгорода соберётся. Непонятно, как до сих пор никто не прибежал. Видимо, распугал твой здоровяк всех, и сам свалил.

– Что тогда делать будем?
– Надо его на расстоянии подержать, пока я ударю. Есть палка какая-то?
– Насколько длинная?
– Метр-полтора, только заточить придётся.
– Лыжные есть палки.
– Давай.

Через пару минут мужчины стояли у двери во всеоружии.

– Только сразу двумя упрись, а то соскочит.

Кирилл толкнул дверь, отошёл на шаг, и Максим подался вперёд, выставив палки. Не разбирая дороги, зомбак бросился в атаку, наткнулся на препятствие и на секунду завис, пытаясь понять, что его остановило.

Кирилл сумел воспользоваться преимуществом. Четыре удара подряд свалили мертвяка, и Максим, когда тот начал оседать, пинком отправил тело подальше от двери.

– Какие у тебя планы? – спросил Кирилл, когда они вернулись на кухню.
– Хотел у тебя спросить. Надо выяснить как-то, насколько это всё серьёзно. Как далеко ушло. Где полиция, где войска – наверняка уже стягивают к городу, окружают кольцом.

Сосед посмотрел с сомнением.

– Думаешь, это только здесь? У нас?
– Надеюсь. Мои в деревне же. Надо туда добраться.
– Такая же история. К родителям хочу, в Сосновку. Это ещё пятьдесят километров от твоих. Давай собираться, больше здесь торчать нечего. Я уже снарядился, сейчас рюкзак при-

ташу и ружьё. Соберись по-быстрому, в рюкзак свой небольшой, коричневый, покидай: сменку, воду и продуктов на день. Меч свой возьми кладенец, и щит.

В зале на стене у Максима действительно висел одноручный меч с небольшим щитом – подарок от друзей на юбилей. Почему был выбран именно этот подарок, никто объяснить так и не смог, только сказали, что меч – он прямо настоящий, кованный кузнецом по древним старинным рецептам. А потому подарок обошёлся им в кругленькую сумму и должен храниться, как и подобает, на самом красивом месте.

После недолгих уговоров Максим закрепил оружие на стене, не в красном углу, но всё же – всегда можно полюбоваться. В руки его хозяин с тех пор, правда, так и не взял, и навыки владения мечом так и не освоил. Однако, «настоящий кованный меч» – это явно лучше, чем лыжная палка или дубинка, и даже лучше ножа – если сражаться не придётся в совсем уж узких коридорах.

Собрались быстро.

– Спустимся вниз, – уверенно описывал Кирилл свой план. – Только ты снова там не протошнись, а то мы так никуда не уйдём. Тряпкой, что ли, лицо замотай. Внизу в подъезде станешь в дверях, чтобы вдвоём не бегать и не мешаться. Я добежу до машины, заведу и подгоню сюда. Ты мухой залетаешь на пассажирское – и рвём когти. Медлить, думаю, не стоит. Поедем сразу на край города, по проспекту. И оттуда в поля. Я там дороги знаю, выйдем на трассу километров через пять.

– Зачем в поля-то?

– Чтобы по улицам не мотаться. Тут до трассы – минут пятнадцать ехать. Без светофоров и помех – семь. На дорогах наверняка куча брошенных авто, так что – десять. Зачем такие проблемы, если мы через три можем унести в закат от этих уродов?

Вниз спустились без проблем. Двор казался пустым, и только издали доносился чей-то рык, судя по отдалённости – пока не опасный. Кирилл осторожно прошёл первые метры до машины: припарковаться вчера, как назло, удалось только в конце дома; а оставшиеся пробежал, не ускоряясь, чтобы не топтать и не шуметь, но преодолеть расстояние как можно быстрее.

Движок «Volkswagen Tiguan» с неплохой шумоизоляцией в пустом затихшем дворе взревел, как реактивный самолёт. Кирилл, не теряя времени, сходу вывернулся с парковочного места. Максим застыл, что называется, на низком старте, но тишина двора снова была нарушена – на этот раз звоном разбитого стекла и грохотом выбитых оконных рам. Откуда-то из квартиры последнего подъезда, с высоты третьего-четвёртого этажа, выпрыгнул, сопровождаемый звездопадом осколков, здоровенный монстр метра полтора в холке. Он приземлился на все четыре лапы, и, отпружинив навстречу набирающей скорость машине, запрыгнул ей на капот.

Было видно, как Кирилл резко рванул руль вправо, потом влево и, пытаясь скинуть монстра, ударил по тормозам. Но зверь так комфортно расположился на машине, словно держался когтями прямо за металл капота. Он поднял лапу и ударил через лобовое стекло. Кирилл даже не успел вскрикнуть. Монстр вытянул его на себя, сбросил с машины и впился пастью в живот.

Глава 3

Цыган

Как оказался в квартире, как перебирался через завал из трупов – Максим не запомнил. Очнулся, тяжело дыша, уже за закрытой дверью.

Если зверь услышал звуки побега – Максиму конец. Такая тварь запросто запрыгнет в окно третьего этажа. Или найдёт в подъезде по запаху. Высадит дверь, и человеку будет нечего противопоставить. Понимая бессмысленность своих действий, Максим заперся в ванной, но замкнутое пространство угнетало и порождало панику. В итоге он сел в спальне на кровать, к стене, поджал колени и начал прислушиваться, не решаясь подойти к окнам или к входной двери.

Через полчаса тревожного бдения стало понятно, что для монстра Максим остался незамеченным. Кроме того, у хищника на улице явно добавилось забот – рычало уже несколько глоток. Кто-то или претендовал на охотничьи владения убившего Кирилла зверя, или не согласился убраться по первому требованию. Закончилось всё звуками грызни, громким скулежом и затихающим в разных направлениях угрожающим урчанием.

Через пару часов, когда шумы на время стихли, Максим отважился перебраться на кухню и выпить остатки воды в фильтре. Дело уже шло к вечеру. Пора было появиться голоду, но от мысли о еде воротило.

После недолгих размышлений Максим утвердился в мысли, что из дома, на окраину города, выбираться придётся в любом случае. Но следовало выждать некоторое время, когда монстры уйдут из города, или когда в город введут войска – в общем, главное подольше сидеть у реки, а там что-нибудь да проплывёт – или ишак, или падишах.

И всё было бы хорошо: воду можно найти в открытых квартирах, еды человеку, единственная цель которого – выжить, много не нужно... Если бы за дверью, да и по всему дому, не лежали разорванные на части, от пояса донизу обгаженные трупы. Запах уже начал проникать в квартиру, прилипал к одежде и рюкзаку, оседал на вещах, пропитывая ткани и дерево, придавая воде и пище отвратительный тошнотворный вкус. Максимум сутки – и в доме невозможно будет находиться.

Но даже не запах был главной проблемой. В тридцати километрах отсюда, в Боброво, находилась семья Максима: жена Надя и дочка Катя. И добраться до них нужно было как можно быстрее.

Выходить из дома ночью Максим не решился. За окнами раздавались звуки передвижения крупных монстров, не особенно разбиравших дорогу, таранящих автомобили, запрыгивающих на капоты, дерущихся между собой то ли за добычу, то ли за право охотиться на территории ближайших дворов. Было слышно, как звери залезают в окна квартир и пробираются по подъездам, отыскивая выживших.

Примешивались и новые шумы – изредка вдалеке раздавались звуки моторов, стрельбы из автоматов и чего-то крупнокалиберного. Кто мог в ночном городе устраивать охоту на монстров, да и откуда у жителей небольшого городка крупнокалиберное оружие, можно было только догадываться.

Всю ночь Максим просидел в спальне, накрывшись одеялом от накатывающего озноба, периодически выбегая в ванную, где, стоя на коленях, выворачивал наружу пустой желудок. Следить через окна за передвижениями монстров и отыскивать взглядом неизвестных стрелков не хотелось. Слишком высока была вероятность засветиться. К тому же непрерывная головная боль и слабость отвлекали, не давали сосредоточиться.

Иногда Максиму казалось, что он заразился и превращается в зомби. Но час шел за часом, а изменений в организме не происходило, кроме усиливающейся жажды и вялости. За ночь он несколько раз погружался в полубморочное состояние и очухивался только через несколько часов. К рассвету мужчина представлял собой измученную мумию: глаза впали и покраснели, руки и ноги двигались с трудом, а думать и контролировать сознание становилось всё сложнее.

Утром шум за окном стих, и к восьми часам Максим решил выйти из дома и сделать попытку выбраться из города. До ближайшего перелеска по жилым районам и участку промзоны идти несколько километров. А дальше – или осваивать профессию угонщика, благо никому уже не принадлежавших автомобилей вокруг было множество, или пробираться до деревни пешком. Если в соседних дворах сейчас так же тихо, шанс выбраться из города есть.

Выбор одежды не был сложным: плотные стёганные штаны, приобретённые когда-то для зимней рыбалки, куртка из толстой кожи, зимние кожаные перчатки и берцы – от укусов слабых зомби вполне могли спасти. А от сильных не защитят даже средневековые доспехи. Кстати, о доспехах. Их у Максима не было, а вот меч и щит он, как и советовал Кирилл, взял. Заточка клинка была не как у киношных японских катан, но пятисантиметровое деревце позволяла срезать одним сильным взмахом. Пользоваться этим архаичным, но весьма эффективным оружием Максим не умел. Но меч в руке – это точно лучше, чем кухонный нож или лыжная палка.

Возникшая было мысль пройти по квартирам подъезда и поискать огнестрел не выдержала критики. Большинство дверей закрыты. Попытки их открыть приведут к излишним шумовым эффектам. Кроме того, эффективность огнестрельного оружия в сложившейся ситуации – штука спорная из-за того же шума. Чтобы не привлекать к себе внимание, передвигаться по городу стоило тихо и незаметно, от подъезда к подъезду, от здания к зданию.

К соседу рядом, которого они с Кириллом вместе зарубили, Максим всё же зашёл. Не стоило пренебрегать возможностью найти что-то полезное в открытой квартире. Максим завязал лицо тряпкой, смочив уголок уксусом, чтобы перебить запах, и, боком пройдя мимо трупа, прокрался в квартиру. Тело Ирины он увидел сразу. Женщина лежала в неловкой позе в проходе на кухню с грубо разорванным горлом, но в остальном не тронутая. Это позволило сделать вывод, что Ирина, как и её муж, заразилась, переродилась в зомби, но проиграла борьбу за выживание более сильной и удачливой особи. А вот зайдя в спальню, Максим пожалел, что вообще сунулся в эту квартиру.

Дмитрий не зря полдня проторчал здесь, и не случайно оказался быстрее, сильнее и умнее остальных встреченных в подъезде зомби. По всей комнате были разбросаны огрызки человеческих костей, тщательно очищенные от мяса и сухожилий, со следами жадных зубов на мягких частях, разломанные и высосанные изнутри. Максиму одного взгляда хватило понять, что за трагедия развернулась в спальне. Ему до этого момента казалось, что он достаточно насмотрелся, привык, чтобы спокойно разглядывать место, на котором чуть меньше суток назад отец разорвал и сожрал своих сыновей. Но вид остатков пиршества мутанта выбил из равновесия – как душевного, так и физического.

От подкатившей дурноты Максима пошатнуло. Он поймал рукой стену коридора и попытался выйти из квартиры, но споткнулся о порог и упал, с размаху врезавшись лбом в металлический короб электрощита. Сознание не потерял, опёрся на руки, измазавшись вывалившимся на пол из штанин Дмитрия экскрементами, встал и вернулся в свою квартиру. Руки пришлось вытирать кухонными полотенцами, выбрасывая их в подъезд, а потом тратить запас драгоценной воды, пытаясь дочиستا отмыться. Рассечённый лоб он старательно перевязал, благо рана была небольшая, и кровь быстро остановилась.

Придя в себя, Максим решил прекратить эксперименты с обыском квартир. Он ещё раз проверил рюкзак, снаряжение и одежду. Бросил прощальный взгляд на успевшую за три года

стать родной, но сейчас такую неприветливую квартиру, и вышел в подъезд, надеясь не возвращаться назад в ближайшие дни – но по привычке при этом проверив, в кармане ли ключи.

Первые шаги из подъезда оказались настоящим испытанием. Максим стоял в паре метров от приоткрытой двери, оглядывал окрестности и не мог переступить порог. За спиной – относительная надёжность и безопасность. Впереди – неизвестность и смерть. Несмотря на проблемы с вонью, водой, канализацией и пищей – прятаться в квартире можно было неделями. И чтобы покинуть этот островок безопасности, требовались веские причины.

Эти причины были. В первую очередь – необходимость найти семью. Каков бы ни был мужчина, семья – это центр его вселенной. Отказаться в сложной ситуации защищать семью даже ценой собственной жизни – а именно такой выбор сейчас и стоял перед Максимом – означало лишиться смысла существования и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Мужчина может предать родину, друзей, коллег, богов и даже самого себя, но не жену и детей.

Вторая по важности причина – стремительно ухудшающееся самочувствие. Жажда уже не утолялась водой. Попытки поесть стабильно выворачивали желудок наружу. Головная боль и вялость стали за ночь привычными спутниками, и иногда Максим их даже не замечал. У подобного состояния наверняка были причины – те же самые, что превращали людей в зомби. Но выяснить их можно было только у других выживших, врачей или людей, которые нашли способ бороться с недомоганием.

Двор за пределами подъезда был щедро залит солнечным светом – совершенно не осенним – заставляя забыть о ненастье последних дней. Асфальт за ночь просох, и даже увядающие деревья воспряли, и словно бы заново начали наливаться зеленью. Лёгкий ветерок приносил тёплый воздух и не охлаждал тело. Надо было решаться. Сделать первый шаг и пройти по отмошке до соседнего подъезда, осмотреться и перебежать к следующему дому.

Во дворе Максим заметил только парочку зомби – издалека совсем похожих на людей – которые, перекаtywаясь с пятки на носок, смотрели в противоположную от него сторону, не оглядывались, и тихий звук шагов Максима не услышали. Поначалу всё шло хорошо. Перебегая от подъезда к подъезду, беглец преодолел уже два дома, и только в третьем его ждала серьёзная неприятность.

Двое зомби стояли между вторым и третьим этажами, и при звуке шагов Максима начали спускаться вниз. Убегать не было смысла: преследовать добычу по звуку или запаху они наверняка умеют, и будут делать это, пока не потеряют след. Даже если удастся скрыться – шум и призывное урчание могут привлечь внимание более крупных и опасных противников.

Максим планировал использовать простую проверенную тактику – разрубить клинком голову первому зомби и надеяться, что второй запутается в упавшем собрате, подставившись для удара. План был неплох, но выполнить его в точности не получилось.

По лестнице на Максима спускались две девушки. Они были зомби – с пошедшей пигментными пятнами кожей, пустыми глазами, неловкими движениями, издававшие привычное урчание. Но они были ещё пока и девушками лет двадцати, сохранившими причёску, гармоничную стройность фигуры и даже остатки макияжа. От них немилосердно воняло, но полуобнажённые формы притягивали взгляд, сбивая с боевого настроя.

Первая из девушек-зомби прямо с площадки первого этажа сделала резкий рывок и тут же оказалась рядом с жертвой. Вместо сильного прицельного удара у отвлечшегося Максима получилось только махнуть клинком в её сторону, задев остриём стену, и лишь слегка повредить противнице ключицу, ничуть не смутив рвавшуюся к добыче хищницу. Зубы девушки впились в кисть Максима, а руки попытались обхватить жертву, чтобы не отпускать до полной победы. Мужчина сделал несколько рывков и почти освободился, благо зубы у зомби были вполне человеческие и толстую кожу перчатки прокусить сходу не могли – но в это время вторая девушка вцепилась ему в другую руку и зубами, и руками, окончательно связав движения.

Боевой настрой Максима резко превратился в панический. Он дёрнулся, но это привело лишь к тому, что зубы зомби проскользнули и вцепились в голую кожу запястья. От испуга выброс адреналина оказался таким мощным, что Максим перестал чувствовать боль и дёрнул руки вниз, одновременно опуская плечи и отступая на шаг назад, в проём подъездного тамбура. Рывок, в которой был вложен весь вес тела, достиг успеха, но из-за него зубы второй девушки оставили на запястье жертвы глубокую ссадину. Всё ещё не чувствуя боли, Максим отошёл к краю тамбура и, воспользовавшись тем, что в проём смогла протиснуться только одна хищница, нанёс ей в голову несколько коротких, но сильных ударов, держа клинок в обеих руках. Со второй расправиться оказалось ещё проще – она не сразу сумела разобраться с упавшей под ноги напарницей и даже не защищалась.

Несмотря на ещё не отступивший страх, Максим моментально сообразил, что изрядно нашумел, и сзади прямо сейчас может кто-то напасть. Не оглядываясь, он перепрыгнул через поверженных красавиц и взбежал на площадку между вторым и третьим этажом. Судя по отсутствию шума внизу, его не преследовали. Но взглянув на двор, Максим увидел, что посреди него стоит группа зомби, в поисках исчезнувшего звука борьбы крутящая головами из стороны в сторону.

Боясь дышать – а воздух норовил с громким хрипом вырываться из горла – Максим опёрся на подоконник и медленно осел по стене. Стараясь успокоить так выручивший его, но сейчас мешавший спокойно размышлять гормональный взрыв, Максим попытался привести мысли в порядок. С одной стороны, если бы не первый промах, с двумя зомби он бы справился без проблем. С другой – чуть не погиб, так как продлись бой ещё секунд десять – и нападение со спины стало бы неизбежным. Что делать дальше? Нужно выбираться из подъезда. Но руки и ноги дрожали, слабость накатилась с новой силой, голова разрывалась от боли, а в глазах от пережитого напряжения потемнело.

Максим опёрся рукой о батарею, попытался встать, но тут же рухнул назад, не сдержав стон. Укушенная рука отдалась резкой болью, раскалённой иглой прошедшей от запястья до плеча. Посмотрев на ладонь, Максим убедился, что связки и мышцы не повреждены, но пальцы онемели и не хотели слушаться.

– Похоже, я приехал, – услышал он собственный голос и удивился, насколько он тихий и хриплый, – Интересно, когда и как начнётся превращение?

Сколько ему осталось? Час или два? Может быть, шесть? Есть ли вообще противоядие, и сможет ли он его найти достаточно быстро? Просидеть тут, в подъезде, постепенно сходя с ума от головной боли, точно проще, чем пытаться бежать, сражаться с зомби, убегать от монстров. Но бороться надо просто потому, что сдаваться не хочется. Идти вперёд – и будь что будет.

Максим опёрся на батарею здоровой рукой, аккуратно встал и выглянул в окно. Обстановка изменилась. В центре двора стояла и активно вращала головами группа зомби, прибежавших на шум, но потерявших его источник. А из-за дома, как раз в том направлении, куда планировал продвигаться Максим, появился здоровенный монстр.

Опираясь зверь на мощные обвитые мышцами ноги, на передние лапы не припадал и легко удерживал вертикальное положение. Он был отдалённо похож на человека, но выше раза в полтора, и без признаков одежды. Лысая горизонтально вытянутая голова. Широкие, по сравнению с человеческими, плечи и таз. Слегка приоткрытая пасть обнажала ряды совсем нечеловеческих зубов, огромных, острых, способных разгрызть небольшое брёвнышко, а возможно, и лист толстой жести смять и разорвать. Морда – в отличие от застывших физиономий зомби, не безжизненная – выражала вполне осознанные эмоции: не эмоции человека, скорее, зверя. Сопровождали монстра пятеро мертвяков. Плелись сразу за ним, синхронно останавливаясь и начиная движение, управляемые рычанием альфа-самца.

Зверь, не торопясь, приближался к стоящим в центре двора зомбакам. Они заметили, занервничали, повернулись в его сторону и слегка подсели, чего-то ожидая. Монстр остано-

вился, подождал, пока его отряд подковыляет ближе и, слегка наклонив голову, издал то ли крик, то ли рёв, отдавая команду напасть.

Свита зверя не выглядела боеспособной, но подобралась и выдвинулась вперёд. Кто – еле двигая ногами и шатаясь, а кто и короткими рывками. Осознав, наконец, опасность, жертвы нападения попытались сбежать. Один из них рванулся с места, упал, вскочил, не сумев справиться с непослушным телом, снова рухнул на землю, и, быстро работая ногами и руками, пополз. Другие не стали рисковать. Они поковыляли быстрым спотыкающимся шагом, постепенно обгоняя старательно ползущего собрата.

Монстр быстро потерял интерес к происходящему и стал обшаривать двор, оглядывая окна квартир и подъездов, разбивая лобовые стёкла машин и поминутно приносясь. Максим испуганно отпрянул от окна и некоторое время старался не дышать.

Снова выглянул он только тогда, когда звуки передвижения зверя стихли за углом дома. Во дворе было тихо. Монстр со свитой ушёл, успевшие уковылять зомби не возвращались, а упавший и попытавшийся поползти теперь лежал метрах в пятидесяти, растерзанный, видимо, отрядом зверя.

– Всё-таки жрёте друг друга, – вслух рассудил Максим. – Неохотно, но жрёте. С голодухи, наверное. Кто вы вообще такие? Зомби – это понятно. В них превратились люди. Но откуда монстры? Они звери? Или как Чужой – разумные охотники за людьми? Выглядят совсем не подземному. Вид совершенно фантастический. Обвешаны бронёй, то ли костяной, то ли хитиновой, не хуже танков. Мышцы такие, каких ни у одного хищника на планете нет. Зубы с ладонь. Нет, это точно не земные существа. Но откуда они тогда?

Максим болтал с самим собой, стараясь отвлечься от боли в руке и общего недомогания.

– Биологические разработки американцев? А что? На кого ещё думать? Вот только вряд ли американцам удалась бы такая операция: за одну ночь не только заразить вирусом весь город, но и наполнить его огромными злобными жаждущими жертв хищниками. Не на самолётах же их сюда привезли? Могли, конечно, и наши накосячить. Выпустить из-под контроля какой-нибудь сверхсекретный эксперимент. Можно даже допустить, что подобная сверхсекретная лаборатория работала в городе много лет, и об этом никто не знал. Но тоже вряд ли – слишком быстро распространился вирус. Это хорошо спланированная акция, направленная сразу на весь город. Атака по двум направлениям: подверженные заразе люди уничтожаются вирусом, а выживших добивают специально привезённые монстры. Вывод напрашивается только один – инопланетяне.

Максим никогда не был сторонником уфологов. В летающие тарелки и зелёных человечков не верил, ролики в интернете на эту тему не смотрел, статьи не читал. Но других объяснений не было. Не в сказку же он попал? Да и для сказки здесь как-то мрачно.

Как бы то ни было, следовало продвигаться вперёд. До угла дома осталось три подъезда. Потом ещё двор, и дальше – перекрёсток двух широких улиц и торговый центр. Максим выскользнул из подъезда, обогнул шедшую вдоль стены клумбу и осторожно, стараясь не шуметь, побежал. На этот раз он решил рискнуть и преодолеть сразу два пролёта, миновав очередную подъезд, и вбежать в следующий, первый по счёту и последний по ходу его движения.

Максим преодолел половину дистанции, когда из-за угла выскочил очередной монстр. Выглядел он не так страшно, как виденные ранее, но всё же был большим и мощным. По внешнему виду он намного больше походил на человека, чем остальные. Руки и ноги в два раза толще, чем у самого заядлого качка, полусогнутые, как у всегда готового к рывку зверя, с огромными когтями на пальцах. Нижняя часть лица была слегка вытянута, как морда хищника, а открытые в оскале зубы больше напоминали акульки, чем человеческие.

Монстр застыл на мгновение, оценивая обстановку, и бросился на добычу. Максим сразу понял, что никакой меч его не спасёт, хотя и поднял его зачем-то, замахнулся из-за плеча и даже прикинул, в какую сторону стоит отпрыгнуть, чтобы избежать таранного удара. На раз-

мышления времени не было. Судя по скорости, монстру понадобится секунды три, чтобы оказаться в непосредственной близости.

Зверь приблизился, но не врезался в человека сходу, а припал на все четыре конечности для решающего прыжка. Он на мгновение застыл и вдруг дёрнулся, как от сильного удара, начал заваливаться в бок, упал, беспорядочно взмахивая конечностями, и застыл в неловкой позе... Максиму понадобилось время, чтобы осознать, что одновременно с этим рядом, буквально в десяти метрах, прогреготал выстрел.

– Эй, парень!

Оглушённый громким звуком и неожиданной смертью зверя, Максим не сразу понял, что крик обращён к нему. И раздавался голос из тени последнего подъезда.

– Чего застыл, иди сюда.

Голос был мужской.

– Да не торчи там. Иди сюда, говорю.

В глубине подъезда стоял человек на вид лет сорока, в камуфляжной куртке и штанах, в бёрцах, с загорелым, обветренным от постоянного пребывания на свежем воздухе морщинистым лицом. Длинные волосы убраны под тёмную бандану. На подбородке и щеках – недельная небритость. За спиной небольшой рюкзак и привязанный к нему туристический коврик. У бедра закреплён остро заточенный клевец, а на груди – винтовка, похожая больше на противотанковое ружьё с внушительным оптическим прицелом. В оружии Максим не разбирался, но полученных в армии знаний хватало, чтобы понять: из такой можно пробить навывлет не только БТР, но и слабозащищённую часть танка.

– Ну что, парень, живой? Не обделался? – с грубоватым, но добродушным смешком спросил незнакомец, – Да не суетись ты, слышишь – там, в квартале грохочет?

Максим прислушался и понял, что ставшие за последние часы привычными звуки выстрелов где-то ближе к центру города действительно активизировались. Грохотало так, как будто стреляли из небольшой пушки.

– Они все сейчас туда рванули, мой выстрел и не заметят. Ты кто такой? Недавно тут?

– Где тут? Я тут живу... ну, или жил, – недоумённо ответил Максим, слегка кивнув в сторону своего дома.

– Свежак, значит, – утвердительно сказал незнакомец и достал из кармана штанов небольшую прозрачную пластиковую бутылку. – На, хлебни.

Жидкость в бутылке стойко отдавала навозом и крепким спиртом. На вид была такой же – мутноватой и не вызывающей доверия.

– Пей. Легче станет. Голова болит? Тошнит? Да и колбасить не по-детски тебя должно. Вторые сутки уже идут с перезагрузки. Как ты, парень, вообще не загнулся? Пей, говорю! – уже настойчиво повторил он, видя, что Максим колеблется. – Вот, другое дело. Ещё пару глотков. Всё, хватит. Минут через пятнадцать ещё хлебнёшь – сам попросишь.

Вкус жидкости не ощущался. Заполнившая все подъезды вонь въедалась не только в одежду, но и проникала в каждый вкусовой рецептор, отчего воздух казался неприятным не только на запах, но и на вкус. Незнакомец выжидательно застыл. Максим стоял молча, понимая, что дали ему что-то вроде лекарства, вполне по-лекарственному противное.

Эффект не заставил себя ждать. В голове постепенно прояснялось, слабость начала проходить, а в тело возвращались бодрость и сила. Даже настроение повысилось, хотя – с чего бы?

Удовлетворившись результатом, незнакомец скользнул по собеседнику взглядом, оставил его на оружии в руках Максима и снова по-доброму ухмыльнулся:

– Это у тебя что?

– Меч.

– Я вижу, что меч. Настоящий? Или так, сувенирка? Умеешь пользоваться?

– Настоящий вроде. Не умею. Друзья подарили, вот меч и щит.

- А не умеешь – чего схватил?
- А что было хватать? Двух-то зомби я завалил, там, в подъезде.
- Видел. Прямо крестоносец! Только они не зомби. Забудь это слово, – незнакомец, оглядывая Максима, о чём-то задумался. – Надо тебя как-то окрестить, чтобы беду не накликать. Тебя как друзья звали?
- Макс.
- А не по имени?
- Да никак. Так по имени и звали.
- Плохо, парень. Ладно, сейчас сам придумаю. Это что за плечом у тебя?
- Щит, я же говорю.
- А что он такой странный?
- Такой вот. Тарч называется. На руку вешается.
- Тоже друзья рассказали, или разбираешься?
- Да нет, сам в интернете нашёл. Интересно было.
- Тарч, говоришь? Ну, «Крестоносец» для тебя будет слишком круто. Будешь, значит, Тарчем. А я Цыган, – словно подводя итог разговору, сказал незнакомец и добавил: – Пошли, поднимемся, расскажу, во что ты вляпался.

Глава 4

Улей

Цыган зашёл в одну из квартир на четвёртом этаже, как в уже привычное обжитое жилище, прошёл к окну и аккуратно осторожно осмотрел двор через щель между занавесками. Благодаря лёгкой текстуре и светлой окраске плотно закрытых штор, в комнату проникало достаточно света, чтобы не прятать окружающее в полумраке, но при этом надёжно скрывать происходящее внутри от внешнего наблюдателя. Максим остановился в проёме между коридором и комнатами и спросил:

– Цыган – это тебя зовут так?

Новый знакомый ответил, не оборачиваясь:

– Угу.

– Я Максим.

– Ты – Тарч. Забудь прежнее имя, парень. Имя, фамилию, адрес свой домашний и всё такое. Я назвал тебя – Тарч. Здесь это называется: «окрестил». Если тебя спросят, как тебя зовут, говори только так: Тарч. Пока ты новичок – могут спросить, кто тебя крестил. Скажешь, Цыган. А прежнее имя забудь.

– Почему?

– Поживёшь тут – поймёшь. Объясню позже. Ты жрать хочешь? Нам хозяйка удружила. Сама вышла погулять в самом начале шухера, видимо. Квартира осталась пустая, чистая. В холодильнике картошка с мясом, хочешь? Не стесняйся, хозяйке уже не понадобится. В лучшем случае, она сейчас где-то бродит... – Цыган поднял руки и изобразил киношную походку зомби, которые, увидев живого человека, радостно шествуют к нему, надеясь полакомиться свежими мозгами. – Но вряд ли. Её сожрали ещё до того, как успела осознать, зомби она или нет. С женщинами так всегда. Спасается одна на сотню – это из тех, кто оказались иммунными. В основном, баб вытаскивают отряды рейдеров... – и, видя недоумение на лице собеседника, пояснил: – Ну, вроде меня. Я рейдер-одиночка. Но чаще на рейды выходят группами. Ладно, по ходу расскажу ещё.

– А иммунные – это кто?

– Как ты. Как я.

– Те, кто не превратился в зомби?

– Они не зомби, парень. Они – живые. Но заражённые вирусом. Точнее, заражённые – все. И ты тоже, и я. Но их организм проиграл и начал меняться, а ты – иммунный. Твой организм переварил вирус, адаптировался к нему, и теперь вы живёте в симбиозе. Тебя он тоже меняет, но не настолько сильно, как их... Чёрт, – Рейдер раздражённо взмахнул руками, – ненавижу, когда начинаются вопросы. Из-за них не рассказ, а путаница! И хватит стоять в проходе. Садись на диван, расслабься. Всё, парень, ты встретил меня, и твоя жизнь наладилась. Сходи на кухню, возьми пожрать, выпить. Там мартини и коньяк початый. Тащи всё сюда. Бабёнка тут, видать, весёлая жила, любила тяпнуть перед сном соточку.

Комната действительно была типично женской: чёрно-красный плед на диване песочного цвета, рядом на журнальном столике – стопка бульварных романов, мебельная стенка с невероятным количеством полочек и ящиков, вся забитая мелкими фигурками из разноцветных камней, шкатулками, фужерами, косметикой и ещё какими-то вещами, напоминая своим видом большую женскую сумочку. Картину дополняли заставленные цветами подоконники, с аккуратно сложенными рядом инструментами для ухода. И нигде – ни в коридоре, ни в зале, ни в видной в открытую дверь части спальни – не чувствовалось присутствия мужчины.

– Я постою, – после стольких часов напряжения сесть на мягкий диван и расслабиться Максиму казалось неестественным. В районе затылка чувствовался холодок, как будто непрерывно в спину смотрел скрытый и опасный враг. Хотелось забиться в надёжное укрытие и, выставив в бойницу пулемёт, поливать стальным дождём любое подозрительное направление.

– Садись, говорю, парень. Сядь, не мелькай. И шума меньше создаёшь, и в окно не засветишься. Пожрать вон на кухне возьми, стол придвинь. Можешь даже поспать часок. Но лучше послушай. Вопросов-то много, а я на всё отвечу. Дядя всё расскажет, а ты приземляйся.

Садиться в измазанных кровью штанах на чистый плед было неловко, но хозяйке теперь и правда было всё равно, а Цыган был столь настойчив, что Максим решил не спорить. Опустившись на край дивана рядом с большим мягким подлокотником, он откинулся на спинку и попытался расслабиться. Мышцы не слушались. Заряд бодрости, полученный от напитка Цыгана, прогнал усталость и привёл тело в тонус, заставляя искать движения и активности.

– Смотри, меня укусили, – внезапно вспомнив о своих страхах, Максим поднял руку ладонью вверх. – Это опасно?

– Забудь все эти киношные приколы. Вирус уже внутри тебя. Он тут всё живое пропитал, даже то, что внешне не изменилось. Коты, например – они почти не меняются, если их не поить усиленно живчиком, или жемчужины в рот не совать. И ты изменился, просто ещё не в курсе. Хотя это не вирус, а скорее грибок. Но мы говорим – вирус. Говорить, что внутри тебя живёт грибок... – рейдер сначала скривился в гримасе отвращения, а потом усмехнулся. – Стрёмно. Ты жрать не будешь?

Есть вдруг захотелось сильно. Апатия и вялость прошли, и организм напомнил о почти двухдневной голодовке.

– Буду.

– Так тащи с кухни сковородку! Она там наготовила на четверых. В гости, что ли, кого-то ждала? Хахаля, поди. В холодильнике, считай, ни хрена – йогурты да пара шоколадок. Вот только палка колбасы, да эта картошка с мясом. Даже хлеба нет. Тащи всё: и картошку, и колбасу. Я сам с утра не ел. А ты сейчас жутко голодным должен быть.

Через несколько минут на столике у дивана стояла сковорода с ароматной холодной картошкой с мясом, лежали покромсанная на большие неровные куски колбаса и две открытые банки тушёнки, которые Цыган выудил из своего рюкзака. На недоумённый взгляд Максима он ответил кратко:

– Ты тут сейчас всё сметишь, – придвинул кресло, сел, открыл принесённую с кухни бутылку коньяка, выпил, передал собеседнику и начал жадно есть.

Ещё пять минут назад Максим и думать не хотел о еде. Но теперь, когда перед ним стояла приятно пахнущая картошка, а открытая банка тушёнки манила сочными большими кусками мяса – всё остальное померкло и потеряло смысл. Рот залило слюной, и он глотал, почти не жуя и не думая больше ни о чём. В реальность вернуться удалось только в момент, когда Максим опустошил вторую банку тушёнки, и на столе не осталось ничего съестного.

– Я же говорил, – усмехнулся Цыган. – И ещё голодный, поди?

Максим удивлённо кивнул.

– Хотя немного в себя придёшь. На, сделай пару глотков, – рейдер снова протянул ту бутылочку с мутной жидкостью. – Только пару, не больше.

– А что это?

– Живчик. Не начинай, парень, я всё расскажу.

Цыган откинулся в кресле, потянулся, зевнул, устроился удобнее, и, задумавшись, почесал подбородок.

– Я таких свежаков, как ты, вытащил пару десятков. Да и сам таким был. Помню, три дня по лесу ходил, чуть не загнулся, пока людей встретил. Так что все твои вопросы знаю. Но отвечать на них долго, а у нас времени – часа три от силы. Вовремя тебя встретил, а то

бы уходить пришлось. Поэтому слушай и не перебивай. Вляпался ты, парень, в неприятную историю, и дороги назад нет, можешь сразу об этом забыть. Туман зелёный видел вчера?

– Видел.

– Ночью?

– Под утро.

– С него всё и начинается. Этот туман переносит часть мира – вот, твой город, например – в другой мир. Сюда, то есть, – рейдер пальцами обеих рук показал на пол впереди себя. – Этот мир, в котором мы сейчас с тобой. Мы называем его Улей. Или Стикс.

Видя реакцию Максима, Цыган резко вскинул руку, останавливая его попытку что-то переспросить.

– Я же сказал, вопросы потом. Это никто не может объяснить, так что просто запоминай. Туман скопировал часть твоего мира, километров тридцать в поперечнике, – рейдер поднял вверх кисть правой руки и сделал вращательное движение. – Вместе со всеми людьми, животными, растениями. И перенёс – ну, скорее, воссоздал его копию здесь, в Улье. Эта часть скопированного мира называется кластер. Процесс копирования и воссоздания части твоего мира здесь мы называем перезагрузкой. Весь Улей состоит из кластеров. Они сопряжены друг с другом, как соты, только каждая из ячеек не строго шестиугольная, а имеет свою произвольную форму. Поэтому и Улей. Вник?

Рейдер на секунду прервался, надеясь увидеть в глазах собеседника понимание. И дождавшись кивка, продолжил, чеканя каждое слово, как учитель в классе перед внимательными учениками:

– Каждый кластер перегружается со своей периодичностью, от недели до месяца. Хотя бывает всякое. Чаще всего в кластер «прилетает» один и тот же участок местности, или один и тот же город – смещается только время. Вот в этих квартирках я обитаю уже раз... пятый, наверное. Хотя город перегружался тут, поди, годами. Но раньше я ходил в рейды в другие места, да и сам в Улье всего год. Ты прежний, в том мире, продолжаешь жить, как и раньше. Проснулся с утра, поел, пошёл на работу. Какой там у вас день? Суббота? Ну, значит, забухал, поругался с женой и лёг спать. А в понедельник пошёл на работу. Как и все остальные.

А здесь все люди – копии самих себя, перенесённые в Улей и заражённые вирусом. Большинство из-за вируса начинает мутировать, превращаясь в подобие зомби и постепенно развиваясь в жутких монстров. Но при этом один на сотню, а то и реже, адаптируется к вирусу. Таких мы называем иммунными. И ты, и я – иммунные. Хотя, может, иммунных и больше, чем один на сотню. Но у нас так принято считать. Один из сотни – иммунный. Один из тысячи – не погибает в первые часы. Один из десяти тысяч выходит из кластера, ну или его находят во время рейда, как я тебя. Это если выбраться из кластера – реально...

Цыган помолчал, о чём-то вспоминая, но Максим не решился влезать с вопросами. Накатившая сытость и непонятные, не уместяющиеся в сознании слова нового знакомого всё сильнее погружали в ощущение нереальности происходящего. Вирус, который не вирус. Зомби, которые не зомби. Туман, кластеры, новый мир... Всё это не укладывалось в общую картину. Состояние спокойной уверенности, начавшее было появляться после встречи с Цыганом, снова вытеснялось страхом неизвестности.

– Попав в Улей, забудь о своём имени, – продолжал Цыган, не обращая внимания на душевные муки собеседника. – А лучше – всё о прошлой жизни. Я тебя нашёл и окрестил. Теперь ты – Тарч. Будешь цепляться за прежнее имя – Улей тебя быстро накажет. Да и не только Улей. Иммунные – весьма суеверные, поголовно. О многом нельзя говорить напрямую, чтобы не накликать опасность. Старое имя и любая другая информация из прошлой жизни – табу. Начнёшь об этом разглагольствовать – накажут свои же. Будешь об этом молчать, но постоянно думать – накажет Улей. Быстро и беспощадно.

– Погоди... – Максим поднял руку в останавливающемся жесте и оглянулся по сторонам так, словно вокруг не было стен. – Погоди. Ты говоришь, тридцать километров? А в какую сторону? А что за пределами этих тридцати километров? Там люди выжили? – Он махнул рукой в сторону деревни, в которую уехала семья. – Они заразились?

Цыган откинулся на спинку с видимым неудовольствием.

– За пределами кластера – другой кластер. Туда подгружается другая местность.

– Другая – это какая?

– Кто там у тебя?

– Жена с дочкой.

– Всё с ними нормально. Они не попали в перезагрузку. В той стороне, – рейдер кивнул туда, куда показывал Максим, – до границы кластера ещё километров пять. Они были дальше во время тумана?

– Да, туда по прямой – километров двадцать.

– Всё, значит, с твоей семьёй хорошо. Они проснутся утром и дождутся тебя, когда ты – тот ты, который там остался – приедешь к ним, и вы будете жить счастливо.

– А здесь их, – Максим так ничего и не понял, но постарался освоить логику собеседника, – их, что, нет? Совсем? Или они попадут сюда вместе с другим кластером?

Цыган тихо выругался, на мгновение закатив глаза. Поднял одну из скинутых ранее на пол книг, достал из кармана карандаш, открыл книгу на последней странице и начал рисовать на обложке подобие пчелиных сот, и внутри центральной «соты» небольшие квадратики и точки.

– Вот, смотри. Вот «наш» кластер, в котором мы сейчас находимся. Вот этот дом. Вот тут ваша центральная площадь. Понимаешь? В кластер дальше на север «прилетает» промышленный комбинат, но из совсем другого города. Там сотни две рабочих, пара десятков охранников и куча станков по металлообработке. Их моментально сжигают, туда рейды особо не ходят. Станки здесь почти не нужны, а из иммунных там ещё ни разу никто не выжил, так как городской кластер, – рейдер ткнул карандашом на неровный шестиугольник, который перед этим называл «наш», – слишком близко. С этой стороны, – на этот раз неровный многоугольник обрисовал область с того края города, где мог находиться нужный Максиму населённый пункт, – подгружается километров двадцать степи с железнодорожной станцией. Там иногда бывают весьма «вкусные» товарняки. Рядом «прилетает» небольшая северная деревенька. Медленный кластер, почти весь окружён рекой. Людей там мало, одни бабки почти. Они могут дней пять прожить, не обратившись. К ним иногда заглядывают рейдеры – в излучине хорошо ставить засады на развитых заражённых. И из-за того, что заражение происходит медленно, бывает, и иммунных вытаскивают. Деревня с твоей семьёй не подгружается вообще. Усёк?

Максим усёк. Но понимание не избавило от нарастающего беспокойства – беспокойства пока ещё неосознанного, рождающегося в подсознании. Ещё не поняв, почему, мужчина уже не мог сидеть, встал и начал ходить из угла в угол. Цыган на этот раз не стал говорить об опасности «отсвечивать» перед окнами и о лишнем шуме, привычно пережидая замешательство очередного «свежака».

Мысли Максима путались, не находя привычной опоры, не состыковывались друг с другом, возникая и пропадая обрывками. Он подошёл к окну, отодвинул пальцем штору, несколько секунд невидящим взглядом смотрел во двор, отошёл, так и не осознав, что там увидел и увидел ли вообще, остановился у дивана, опёрся на его спинку, но потом снова заходил по комнате.

– Так их тут что, нет?

– Нет.

– И я в каком-то месте, куда они не попали?

– Не попали.

Максим ещё раз прошёлся по комнате, повернулся к Цыгану и посмотрел на него прямо, пытаюсь придать взгляду осмысленность:

– Как мне вернуться?

– Никак. Ты ушами слушаешь или жопой?

Рейдер остался спокоен и даже позу не поменял, только слегка наклонил голову, осуждая глупость собеседника.

– Я же сказал – дороги назад нет. Да и куда ты собрался возвращаться? Вытащи из своих ушей то говно, которым ты их залепил, и слушай, что тебе говорят. Каждое слово впитывай, как губка. Как будто ты срочник, первый день в части, привезли тебя, лысого, испуганного, глупого, завшивевшего с дороги, и товарищ прапорщик, отец твой родной на ближайшие два года, твой кормилец и твоя мамка, учит тебя жизни, объясняет, в каком дерьме тебе придётся в ближайшее время вариться. Я, конечно, тебе не мамка и даже не папка. Да и на два года ты мне не нужен: выведу из кластера, и до свиданья. Но если ты планируешь тупить – сдохнешь через минуту после того, как я в сторону отойду, а то и быстрее. А будешь слушать – может, и поживёшь ещё.

Максим молчал.

– Поехали дальше. Иммунные хоть и адаптируются к вирусу, но не переживают заражение без последствий. Улей дарит нам один здоровенный минус и два гигантских плюса, выживание без которых здесь вряд ли было бы возможно. Минус – это постоянная необходимость пить живчик.

Цыган, не поворачиваясь, показал пальцем чуть назад, на рюкзак, в котором лежала заветная бутылочка с мутной отвратительной на вкус жидкостью.

– Его нужно немного, но для выживания хотя бы грамм пятьдесят-сто каждый день выпивать приходится. Живчик делается из определённых частей развитых мутантов. Я потом тебя научу. Поэтому мы постоянно вынуждены на них охотиться, валить в промышленных масштабах. В этом мы с заражёнными зеркальны. Им нужно наше мясо. Нам нужны их спораны для живчика.

Рейдер на несколько секунд замолчал, и Тарч решился помочь ему естественным в этот момент вопросом:

– А плюсы?

– А плюсов два. Первый – регенерация. Наше новое тело в сто раз более живучее, чем раньше. Эта твоя царапина, – Цыган указал на разодранную зубами заражённую руку, – зарубцуется уже завтра. А через неделю и следа не найдёшь. Да и вообще, все проблемы со здоровьем, так или иначе, исчезнут. Зубы у тебя все?

Тарч сначала не понял вопроса, но потом отрицательно мотнул головой.

– Отрастут. Если где переломы были, болели кости или суставы – забудь. Тут даже руки и ноги отрастают, если выдалось их потерять, или сюда без них прилететь. Говорят, правда, то ещё удовольствие. Ощущения неприятные, и растут конечности долго, до полугода. Второй плюс – это дары Улья. Мы их ещё называем «умения». Дар проявляется у каждого иммунного. Это своего рода мутация организма, только без изменения внешнего вида. Чаще всего дар появляется через несколько дней после попадания сюда, иногда – через пару недель. Появившись, он постепенно развивается. Это может быть что угодно: телескопическое зрение, быстрый бег, быстрая реакция, телепатия, телекинез, управление температурой и даже возможность копировать мелкие предметы. Да что угодно – все варианты даров не описать. Но человек не становится супергероем – умение проявляется слабо и, в большинстве случаев, не успевает развиваться до серьёзных масштабов. Я, например, видел немало пирокинетиков – тех, кто может зарождать огонь. Но даже сильнейшие из них не могут взять и сжечь мутанта. Максимум – напугать вспышкой самых слабых. А чаще всего это сами себе походные печки: вскипятить воду в кружке, разогреть сковородку и пожарить яичницу. Хотя даже только что проявившийся

дар вполне позволит им, например, разжечь костёр без спичек. Да и сжечь даже начинающего пирокинетика у тебя, пожалуй, не получится. Не горят они. Можешь задать вопрос. Новички любят расспрашивать о дарах.

Тарч не чувствовал желания расспрашивать. Перед глазами всё ещё стояла нарисованная Цыганом схема кластеров, а в сознании зияла дыра, пробитая пониманием: семьи рядом больше не будет. Ощущение благодарности року за то, что жена и дочка не попали в мясорубку первых часов перерождения, не участвовали в лотерее заражения, не видели, как все вокруг превращаются в монстров, не были вынуждены убивать или убегать, чтобы не быть убитыми, мешалось с тянущим душу отчаянием – он теперь одинок. Одинок без тени надежды увидеться с дочкой. Без шанса проснуться утром и привычно прижать раскинувшуюся на своей половине кровати жену, поцеловать в тёплую шею и сжать бедро со внутренней стороны в ладони, вырывая из объятий сна, заставляя изогнуться и еле слышно застонать. Подобные мысли Максим старался отгонять, пытаясь сконцентрироваться на словах рейдера, тем более что его невнимательность раздражала собеседника и могла заставить замолчать. Но тягостные мысли не пропадали совсем, присутствуя на границе подсознания и карауля момент, чтобы полностью захватить внимание.

– А какой у тебя дар?

– Никогда такое не спрашивай.

– Почему?

– Сам потом поймёшь. Это не табу. О даре может спросить командир рейда, если ты просишься в отряд; твой наймодатель, если работа, которую ты будешь выполнять, зависит от умения; его могут увидеть сильные ментаты, хотя сильному ментату ты и так всё расскажешь. А к знахарю и сам побежишь с просьбой покопаться у тебя в голове, распознать или настроить дар. Но у первого встречного, да и давнего знакомого, с которым не бывал в рейдах, спрашивать такое нельзя. Тебя не поймут, а то и в морду двинут, если к кому-нибудь не тому подойдёшь с тупыми вопросами.

– У новичков все вопросы тупые, наверное... – иронично усмехнулся Тарч.

– Это точно. Но всем будет плевать, что ты новичок.

– Тебе же не плевать.

– Я тебя встретил на «твоем» кластере. И должен помочь – Улью должен. Улей очень не любит, когда новичков обижают, или проходят мимо, когда могут помочь – и за такое наказывает.

Тарч немного помолчал, соображая.

– Наверное, вопрос снова будет тупой. Иммунные как-то общаются с Улем? Откуда ты знаешь, чего делать нельзя, и почему ты что-то должен?

– Никто с ним не общается. Да и не с кем общаться. Улей – это просто место, название мира, куда нас всех занесла нелёгкая. Но у мира есть свои законы. Узнаешь их на практике. Через боль, так сказать, и унижение, а чаще всего – через смерть. От этого и суеверия тут у всех. Можешь помочь новичку – помоги, дай немного живчика, научи добывать спораны и готовить живчик самому, махни рукой в сторону ближайшего стаба, и гуляй дальше, куда шёл. Или с собой его возьми, если по пути. Будешь так делать – будет с тобой удача. Пройдёшь мимо или убьёшь свежака – нарвёшься на неприятности. Поэтому даже самые отбитые со свежаком хотя бы парой слов, но перекинутся.

– Ты со мной не просто парой слов перекинулся.

– Не парой. Сижу вот, время своё трачу на тебя, парень, кормлю, живцом пою, соловьём заливаюсь. Цени. А ты сидишь как лунь, в стену упёрся. Про дары вопросов больше нет? А то я могу и не говорить, если ты такой нелюбопытный.

– Извини. Слишком много всего за раз. Давай я чуть позже про дары спрошу, когда соображу немного?

– Спрашивай. Только я не всегда такой болтливый, могу и нахер послать. Потому и рассказываю, чтобы потом с тупыми вопросами не лез. Ладно, что там ещё не рассказал? Слушай. Когда кластер перезагружается, находиться в нём нельзя. Увидел зелёный туман – мы его кисляком зовём – вали из кластера как можно быстрее. Никто из иммунных перезагрузку не переживал. Человек пропадает, ведь кисляк перед загрузкой стирает кластер полностью, со всем живым и неживым. И создаёт новое – на пустом месте. Говорят, правда, сильные иммунные могут выжить, но мозги у них выжигаются напрочь. Ни памяти, ни сознания. В долгие мощные рейды всегда берут человека, который умеет чувствовать перезагрузку немного раньше, чем остальные. Бесплезный дар, но если отряд перемещается по неизученным кластерам – очень нужный. Да и изученные могут сюрприз преподнести: перезагрузиться не по времени или вообще сменить цикличность вместе с «прилетающей» местностью.

После перезагрузки в кластере не остаётся никаких изменений – хоть ты там замок построй, хоть окурочек брось, хоть камень в землю закопай – всё стирается и копируется новое. Жить в таких условиях, сам понимаешь, никак. Но, слава Улью, существуют стабильные кластеры. Мы их называем стабы. Они или не перегружаются вообще, или цикл перезагрузки настолько большой, что иммунные до неё банально не доживают. Вот в стабах мы и живём. В тех, что поменьше и опаснее, можно найти лагеря или опорные базы. В тех, что побольше – посёлки и даже городки.

Цыган замолчал, утомившись отсутствием у собеседника активного интереса. Повисшая в комнате тишина не была тем тягостным молчанием, когда люди не знают, что сказать друг другу, и это гнетёт обоих, заставляет вымученно шутить и так же смеяться, расплываясь в натянутой улыбке. Каждый погрузился в свои мысли.

Рейдер задумался о чём-то, невидяще смотря в угол, стерев с лица приветливую маску, и, слегка нахмурившись, совершенно не шевелился. Тарч же снова начал тонуть в мельтешении мыслей, не зная, за какие из них хвататься в первую очередь. Планы на будущее? Да какие тут планы – он не понял большую часть из того, о чём Цыган так увлечённо рассказывал. О потерянной навсегда семье? Но что толку от этих мыслей, если сейчас ты – едва ли не в центре кластера, набитого заражёнными и огромными монстрами, а единственная надежда на спасение – странный неприветливый мужик, всё время вешающий себе на лицо дружелюбную улыбку и старательно изображающий из себя добровольного помощника для «свежака»? А что, если всё сказанное Цыганом – ложь, для чего-то придуманная и рассказанная? Чтобы втереться в доверие и что-то получить от новичка, что тот с удовольствием отдаст новому «другу», или что можно будет легко отнять у потерявшего бдительность человека? Но что может быть нужно опытному вооружённому бойцу от новичка, ну, разве что, кроме его жизни?

Мысли роились, толкаясь и мешая друг другу, устраивали круговерть, не давали ни одну схватить, рассмотреть, разложить по полочкам и спокойно обдумать. Ясно было только одно – в ближайшие часы, а то и дни, придётся держаться рядом с Цыганом и по возможности доверять ему. Ведь проверить его слова или получить другую информацию – неоткуда.

Вдруг очнувшись от мыслей, Цыган пошевелился, разминая мышцы, и неожиданно спросил:

– Ещё вопросы?

– Есть вопрос. А кто тут главный?

– В каком смысле?

– Кто хозяева этого мира? Ведь не само по себе всё тут?

– Да чёрт его знает, кто тут хозяева, – Цыган очень искренне пожал плечами. – Нет тут никаких хозяев. Или мы этого не знаем. Тут много всего намешано – и внешники, и скребберы, и серые – они в чёрных кластерах живут. Человек здесь, знаешь... как случайный прохожий, который воды попросил попить – дальше коридора нас не пускают. Мы ни с кем особо не пересекаемся. Только выживаем.

– А монстры?

– А что монстры?

– Ну, эти, огромные.

– А... так ты ещё не понял? Это заражённые. Те же самые, которых ты зомби называл, только отожравшиеся. Они почему на зомби похожи? Потому что голодные. Попад в организм, вирус начинает его перестраивать. А для этого нужно много белка. Вот и выглядят они как дохлые, и дажедохнут, если не пожрут. Ты думаешь, они за тобой охотятся, потому что ненавидят и убить хотят? Ты для них просто ходячая котлета. Бегающая куча белка. Подкинь им свинью, или корову – про тебя и забудут. Ненадолго, правда. Белок им нужен постоянно. Поэтому они всё время охотятся. В том числе и друг на друга, но это они любят меньше – им нашего мяса подавай, иммунного. И те, кому везёт с охотой, развиваются в более сильных монстров. Мы их делим примерно на десять видов по развитости, силе и количеству трофеев. Но это видеть надо, рассказывать бесполезно.

Цыган встал, потянулся, зевнул и вопросительно посмотрел на Тарча. Тарч тоже поднялся, расстегнул ремень, поправил одежду, застегнулся и, глядя, как рейдер поднимает рюкзак, спросил:

– Куда мы сейчас?

– Завтра я отведу тебя в ближайший стаб и, надеюсь, больше никогда не увижу. А сейчас надо заняться делом.

– Делом?

– Да. Мы идём на охоту.

Глава 5

Приманка

Цыган и Тарч сидели у края крыши одноподъездной высотки, стоящей на углу площади имени Максима Горького, главной площади их небольшого города. Шестнадцать этажей офисных помещений позволяли возвышаться не только над архитектурным ансамблем, но и над большинством зданий нескольких ближайших кварталов.

Площадь не была чем-то особенно примечательным: прямоугольная, метров триста в длину и сто в ширину, опоясанная односторонним кольцевым движением. В центре на высоком постаменте – семиметровый писатель, одухотворённо взиравший вдаль, как и положено приличному памятнику советской эпохи. Вокруг скульптуры располагался небольшой сквер с дорожками для прогулок, элегантными лавочками и увядшими клумбами. Сквер можно было бы назвать уютным, если бы не непрерывные потоки транспорта, круглосуточно курсировавшие по кольцевой. Сюда, на площадь, стекались пять крупных городских транспортных артерий, три небольшие улицы и ещё парочка проездов. Автомобили, автобусы и небольшие грузовички текли вокруг парка непрерывным потоком, въезжая с одних улиц и сворачивая на другие.

Сейчас площадь представляла собой жутковатое зрелище, скопированное с фильма о зомби-апокалипсисе. Брошенные владельцами автомобили плотно заполнили не только три полосы движения, но и часть тротуаров. В некоторых ещё работали двигатели – видимо, водители, покидая автомобиль, уже не были в состоянии его заглушить, или надеялись вернуться, выяснив причину необычно долгой пробки. Кое-где виднелись проплешины пожаров, но огонь не распространялся, оставляя сгоревшие автомобили одиноко чадить от медленного тления. Огонь – вот кто больше всех выиграл от локального апокалипсиса. Одна из прилегающих к площади пятиэтажек сгорела на добрую четверть – пожар возник сразу в нескольких квартирах и, перекидываясь от окна к окну, распространился вверх, до самой крыши. Полностью выгорел «Макдональдс», расположенный на первом этаже офисного здания в противоположном конце площади. До сих пор дымило несколько окон в здании с огромной вывеской «Ростелеком».

Позицию для стрельбы Цыган оборудовал так, чтобы винтовка была направлена в центр площади. Рядом кинул одеяло для Тарча и вручил ему бинокль.

– Нам нужды светиться нет. Свежие иммунные уже вряд ли появятся, а вот рейдеры – запросто. Сам слышишь выстрелы, а это значит, мы не одни в кластере. Сейчас здесь самая охота – в городе остались только самые упорные мутанты. Те, кому повезло поймать больше всех добычи, и те, кто опоздал на праздник изобилия и теперь надеется пожить хоть чем-то. Им постоянно нужно жрать. Организм всё время перестраивается, требует тонны белка. Остановить или притормозить этот процесс они не в состоянии, а потому могут сдохнуть от банального голода. Развитые мутанты для этого с собой стаи и водят, и даже подкармливают, чтобы всегда было чем закусить в голодные дни.

– А большинство мутантов куда-то ушли?

– В другие кластеры. Некоторые заражённые чувствуют время перезагрузки нескольких кластеров вокруг. Кто-то сильнее, кто-то тупит и двигается за другими. Если людный кластер перегрузился – будь уверен, в его направлении тут же выдвинулись сотни развитых мутантов. И за ними шлейфом – тысячи более слабых. Ты, пока спал, не видел ничего, а здесь в первый день такая мясорубка была, мама не горюй. Поэтому мы подходим или в момент перезагрузки, а потом сразу же сваливаем, или позже, когда основная масса заражённых уже схлынула.

Цыган осторожно выглянул за край крыши, осматривая площадь.

– Только не везёт нам что-то с охотой, парень. Может, ты невезучий? Не замечал никогда такого за собой? Хотя какой ты невезучий? Семья перед перезагрузкой уехала, жёнушку свою «мочить» не пришлось. Первые сутки выжил, догадался, что высовываться не стоит. Меня встретил. Да ты прямо мистер Удача. Надо было тебя так и окрестить, а?

Рейдер ещё раз окинул взглядом сквер и поднялся.

– Сиди здесь. Тихо сиди, что бы ни случилось. Видимо, дяде придётся пошуметь. Винтовку не трогай, а то ещё меня подстрелишь.

Через пару минут Тарч увидел внизу выходящего в центр сквера Цыгана. Рейдер огляделся и вдруг закричал так, как будто с него заживо сдирали кожу. Орал добрую минуту, непрерывно оглядываясь. Замолчал, постоял немного и снова закричал. В третий раз выступать не пришлось – из-за здания с «Макдональдсом» выбежал кто-то, быстро передвигающийся между плотно стоявшими машинами. Больше трёхсот метров дистанции и ряд деревьев не позволяли рассмотреть, но Тарч был уверен, что такого мутанта ещё не видел. Это был почти человек, даже остатки одежды на нём сохранились – только немного больше, мощнее, и передвигался быстрее, чем любой спринтер. Правда, как оказалось, только на небольшие дистанции.

Метров через пятьдесят мутант остановился и пошёл в направлении Цыгана, хотя явно видел добычу, но почему-то уже не бежал, а брёл уверенным, но не быстрым шагом. Рейдера появление монстра не смутило. Он не стал скрываться, а как раз наоборот, повернулся, заорал, спровоцировав ещё один скоростной рывок. Мутант почти добежал, но, споткнувшись на ровном месте, снова перешёл на шаг. Цыган не стал ждать. Снял с пояса клевец, приблизился быстрым шагом и, не дожидаясь атаки обалдевшего от наглости добычи противника, вогнал ему в голову острие.

К этому моменту с разных сторон на площадь вбежали ещё три мутанта. Они были похожи на первого, но казались более развитыми и сильными. Цыгана не пришлось предупреждать об опасности. Он заметил всех нападавших, которые и не пытались скрываться, с шумом пробираясь сквозь ряды машин. Рейдер быстро огляделся, громко крикнул ещё пару раз и исчез. Не убежал, не спрятался, а просто исчез. Тарч в этот момент смотрел прямо на него и мог руку дать на отсечение – Цыгана не стало в одно мгновение, неожиданно, без какой-либо видимой подготовки.

Не опуская бинокль, Тарч старался понять, куда делся напарник. Осматривал деревья по периметру сквера, скамейки и даже макушку памятника, пытаясь доискаться, куда так быстро скрылся рейдер. Мутанты были удивлены не меньше. Они сбежались к центру парка, туда, где в последний раз видели добычу, и теперь стояли обескуражено, осматриваясь и рыча друг на друга.

– Что, красиво мы кинули лошков? – от звука голоса Цыгана за спиной Тарч испуганно вздрогнул, чем изрядно насмешил напарника. – Ха! Что? Страшно? Смотри не обделайся.

– Как это ты так?

– Ну, ты всё равно видел, поэтому скажу. Я же говорил уже, парень, в рейде дары не скроешь. Дядя умеет становиться невидимым. Ненадолго. Иногда. Вот там и врубил дар, чтобы спокойно уйти.

– Ого! Выглядело потрясающе! Ты невероятно крут. И что, они тебя не чувствуют вообще? А на какое время становишься невидимым?

– Могут почуять. По запаху, например. Но не эти, и не здесь. Тут запахов сейчас столько – ни одна собака след не возьмёт. А эта мелочь вообще вряд ли сообразит что-то.

Вопрос о длительности состояния невидимости Цыган проигнорировал, но Тарч не стал настаивать на ответе. Скорее всего, это тоже тайна, о которой спрашивать не принято. Между тем рейдер прицелился в винтовку и сделал первый выстрел. Тарч без бинокля увидел, как ноги у одного из мутантов резко подогнулись, он упал на тротуарную плитку, гневно заур-

чал и начал беспорядочно перебирать руками, пытаясь подняться. Два следующих выстрела раздались один за другим, опрокинув двух оставшихся мутантов на землю таким же образом.

– Ну, вот теперь пусть пошумят за нас, парень, – удовлетворённо хмыкнул Цыган и повернулся к Тарчу, – Давай, смотри, не расслабляйся. Бинокль зачем дядя дал? Увидишь что – маякуй, будем разбираться. Эти трое – мелочь. В них мы ничего не добудем. Так что ждём кавалерию.

– А они нас не найдут? – обеспокоенно спросил Тарч, оглядывая в окуляры все уголки площади.

Трое раненых монстров рычали и урчали во всю мощь, на которую только были способны, и пытались расползтись. Один почти уполз за памятник, и Цыган тут же прострелил ему голову.

– Нашли бы – в другое время и в другом месте. Если бы мы одни в городе стреляли – развитые мутанты могли бы и найти по звуку, да и по запаху. Но сейчас здесь заваруха на заварухе. Они же звери, хоть и очень умные. Пока будут соображать, откуда выстрел, в другом месте три раза выстрелят.

В разных концах площади крутилось уже несколько монстров, но к центру подошёл только один – мощный, с толстыми кривыми ногами. Цыгану хватило одного выстрела, чтобы пробить огромную дыру в груди. Предсмертный крик жертвы разгорячил остальных, и они один за другим начали подбегать к поверженным товарищам. Чем руководствовались заражённые, Тарч понять не мог. Скорее всего, их привлекала как возможность откусить от собратьев по вирусу изрядный кусок мяса, так и попытка найти их убийцу, которого наверняка представляли огромным вкусным сочным стейком со степенью прожарки *medium rare*.

Вот только охотники за мутантами прыгать в пасть голодным монстрам не спешили, методично отстреливая цели так, что они падали друг на друга, образовав немалую кучу тел. Постепенно Цыган смещал место отстрела мутантов, и они начали падать в разных местах, покрывая центральную площадку сквера относительно ровным слоем.

Точность, с которой рейдер попадал в цель, будь то широкая грудь развитого мутанта или ноги быстро бегающих неразвитых монстров, поражала. Стоило жертве на мгновение замереть – и пуля тут же попадала именно туда, куда её направлял стрелок. Нечеловеческая точность выстрелов подсказала Тарчу, что умение становиться невидимым – не единственная сверхспособность Цыгана, и сколько их всего, оставалось только догадываться.

Когда стрелок завалил примерно тридцатого по счёту монстра, на площади снова стало тихо. Подранков рейдер перестал оставлять, а новые заражённые не торопились бежать на канонаду выстрелов, занимаясь какими-то своими, видимо, более важными делами. Подождав немного, Цыган встал, поднял винтовку и кивнул в сторону парка:

– Пойдём, парень. Надо трофеи собрать, пока новые не набежали. Дяде нужны трофеи, а тебе?

Напарники спустились на площадь. Цыган достал из кармана широкий нож, перевернул ближайшую тварь ничком и показал на затылок:

– Видишь эту штуку? Это споровый мешок, – рейдер указал ножом на странный нарост на голове заражённого, занимавший существенную часть затылка и выглядящий как разделённая на дольки полусгнившая, а потом засохшая, груша. – Только ради него мы на этих тварей и охотимся. Это как гениталии у женщин – квинтэссенция смысла её существования и единственное, ради чего их приходится терпеть.

Цыган коротко усмехнулся собственной шуточке, ничуть не смущаясь принципа «сам придумал, сам посмеялся», и продолжил.

– Наш вирус, он же грибок, в теле образует грибницу. И у нас, и у мутантов. Но в теле иммунного развитие грибницы останавливается. А у мутантов нет. И вот тут у них, – рейдер наклонился и вставил нож между долек спорового мешка, – то ли органы размножения, то ли центр управления, вроде мозга – этого никто точно не знает.

Цыган сделал надрез и аккуратно развёл дольки. Внутри всё было заполнено тонкими серыми паутинками, среди которых, немного покопавшись, рейдер нашёл две маленькие виноградинки. По сути это были те же самые паутинки, только уплотнённые, похожие на скомковавшиеся от времени и влаги шарики пыли.

– Это спораны, самое большое, что можно найти в таких вот не особо развитых. Из этих штук делается живец, который ты пил. На спирте мы их настаиваем. Потом процеживаем. Одна штука на бутылку. Пошли дальше, остальных обобщем.

Из тридцати убитых тварей Цыган достал пятнадцать серых комочков и три горошинки чуть большего размера с зеленоватым отливом, похожие на спрессованный сахар. Их он назвал «горохом» или «сахарком».

– Горох – это уже более ценно. Хотя, по сути, тоже мелочь. В приличных стабах за горшину ты и три дня не проживёшь. Ну, там, гостиницу взять, пожрать, попить нормально, девочку снять. Нет, всё-таки ты не мистер Удача, парень. Шляпа, а не добыча. Дядя недоволен. Поднимайся наверх, я тут снова пошумлю.

За следующие три часа напарники ещё дважды спускались за трофеями, Тарч уже сам научился вскрывать споровые мешки и делал это, пока Цыган прикрывал его с винтовкой. Всю добычу отдавал рейдеру, а тот всё больше мрачнел, не скрывая недовольство результатами охоты. Солнце давно перевалило за горизонт и подумывало склониться к закату, большая часть площади была заполнена плотным слоем тел мутантов, а на руках у охотников до сих пор было не больше сорока споранов и всего семь горошин, что, судя по реакции Цыгана, было очень и очень мало.

– Вот твари! Лезут одни бегуны да жрачи. Дядя недоволен. Всего десяток топтунов, да и те пустые, – рейдер с непонятной злостью посмотрел на Тарча, как будто он был причиной неудачно проходящей охоты. – Провозился я с тобой. Надо было сразу сюда идти. Уже валить пора, не ночевать же здесь. Хотя ночевать придётся, похоже. Не уходить же сейчас. Тут и на патроны-то с трудом набирается, не говоря уже про девочек. Вот ты любишь девочек, парень?

Тарч промолчал. Ему не нравился изменившийся тон Цыгана, и в груди начала зарождаться уже успевшая позабыться тревога. Сейчас напарник не походил на доброжелательного, хотя и немного жестковатого, товарища по рейду, и это Тарча изрядно напрягало. Пару часов назад он даже позволил себе представить, каким бы напарником был Цыган, если бы они решили ходить в рейды вместе и дальше. Опытный сильный товарищ с развитыми дарами мог бы многому научить, и играл бы поначалу первую скрипку. Но постепенно и Тарч набрался бы опыта, получил от Улья новые способности, и стал бы полноправным партнёром в тандеме. Вот только почему Цыган до сих пор ходил в рейды в одиночку? Потерял постоянного напарника? Или до сих пор ни с кем не сошёлся из-за своего тяжёлого характера?

– Я вот люблю девочек, – продолжил рейдер, не дожидаясь реакции собеседника, – Много девочек, и разных. Особенно дорогих, таких, чтобы с ногами от ушей, и чтобы умели всё и были покладистыми, чтобы не начинали писк разный, не вырывались и лежали шёлковыми.

– А что, дорогие?

– Дорогие, парень, – снова зло ответил Цыган и выругался. – Тебе на таких полгода копить, на одну. Шлюх разных по стабам хватает, хоть и мало девок в Улье, но те, кто есть, в основном покладистые, и за споран ноги раздвинут. А есть места, где и права не имеют отказать – главное, заплати ей вперёд и делай, что душе угодно, хоть вон дробовик ей засунь и проворачивай: ей-то что, за день заживёт, Улей же. Но с этими не интересно. Я люблю, чтобы прям королева. Чтобы все облизывались, когда её в номер уводишь. А на таких этого, – Цыган кивнул на поясной карман, куда складывал трофеи, – не хватит. Туда, где такие есть, с таким капиталом и соваться нечего.

Тарчу от подобных разговоров стало ещё более неудобно. Цыган уже не казался хорошим напарником, и захотелось, чтобы охота поскорее закончилась. Добраться до стаба и постараться забыть сутки, проведённый вместе с этим не сказать чтобы уравновешенным рейдером.

Ближайший стаб назывался просто – Орлиный. Находился он, если верить рассказам напарника, в четырёх часах небыстрой езды на автомобиле или в сутках пешего хода на восток. Завести любую машину без ключа, как сказал Цыган, умеет каждый уважающий себя рейдер – да и в большинстве брошенных автомобилей ключи, как правило, остаются в замке зажигания. Но вот пытаться добраться туда в одиночку – это гарантированное самоубийство. А потому надо дожидаться конца охоты и постараться поменьше надоедать напарнику вопросами, чтобы не раздражать и не провоцировать. Не один же он может рассказать об Улье. И другие люди есть.

Когда после отстрела нескольких средних по размеру мутантов в охоте наступила новая пауза, Цыган протянул Тарчу нож:

– Давай сам. Собери там всё и бегом возвращайся. Не рискуй только, ты от них не убежишь.

Сделав над собой усилие, чтобы не показаться трусом и обузой, Тарч взял нож и отправился за трофеями. Ещё утром он был почти уверен в том, что сможет самостоятельно сбежать из города и даже добраться до семьи, но теперь, насмотревшись на монстров вблизи, боялся даже шаг сделать за порог здания. Но отступить не получится – Цыган в этом случае его без долгих разговоров отправит восвояси, и будет полностью прав.

Площадь издали напоминала поле боя во времена Первой мировой войны. Пулемёты тогда за минуты выкашивали сотни, а то и тысячи солдат, поднимавшихся в привычные лобовые атаки. Если знать, что там, в сквере, лежат убитые мутанты, полностью потерявшие человеческую личность – реальность можно воспринимать как игру, или как очередной голливудский блокбастер. Но многие тела лишь слегка отличались от человеческих: те же руки, те же ноги, те же головы, и многие всё ещё в обычной повседневной одежде, пусть разорванной и измазанной кровью, слюной и экскрементами.

Нужно было два дня прожить в Улье, быть свидетелем того, как твой друг убил любимую женщину, увидеть остатки детей, съеденных собственным отцом, самому зарубить соседа и двух красивых, не потерявших невероятного очарования девушек, чтобы выйти на эту площадь и не сойти с ума. Не свалиться на землю, крича от ужаса и выблёвывая внутренности от страха и отвращения.

Больше ста трупов лежало сейчас на площади. Больше ста тел, каждое из которых всего два дня назад было человеком со своей жизнью, эмоциями, мыслями, переживаниями. Они ходили на работу, любили родителей и детей, влюблялись друг в друга, дружили и враждовали. А теперь лежат вповалку, вырванные из собственного мира, изуродованные мутацией и метко подстреленные рейдером, который распотрошит им затылки и спустит трофеи на элитных проституток. Кто обрек всех этих людей на такую судьбу? Кто обрек их жертв быть съеденными собственными родственниками, друзьями, соседями, коллегами? О чём думала вон та пятнадцатилетняя девушка позавчера вечером перед сном, беседуя со своим дневником или болтая с подружками по телефону? Вряд ли о том, что утром превратится в мутанта, сожрёт собственную мать, пойдёт бездумно бродить по городу, испражняясь прямо в красные облегающие штанишки, а потом умрёт под ударом лапы более удачливого монстра, который выбрался несколько месяцев назад из собственного кластера и пришёл в этот, полакомиться новоприбывшими обитателями Улья.

Вонзив нож в споровый мешок первого мутанта, Тарч вдруг почувствовал, как по позвоночнику пробежался холодок, который принято трактовать как сигнал о ещё не осознанной опасности. «Как будто на меня кто-то смотрит!», – говорят одни. «Попой чую!» – говорят дру-

гие. «Опасность!» – орала интуиция Тарча, и лёгкий сквозняк, пробежавший по спине, начал превращаться в лютый мороз.

Звук выстрела слился со треском раздробленных в щепки костей, и вспышки десятка различных панических мыслей, возникших в голове одновременно, прервались необходимостью сориентироваться в пространстве. Небо завалилось, стало уезжать куда-то вбок, а руки в поисках опоры бессмысленно болтались из стороны в сторону. «Монстр подкрался?», «Кто-то напал?», «Меня убили?», «Я уже умер?» – проносилось в голове падающего навзничь Тарча. «Выстрел точно сделал Цыган. Это его винтовка. А значит, он меня спасёт», – успел подумать Тарч, прежде чем боль, поднимающаяся откуда-то снизу, затопила его сознание.

– Эй, парень! Э-э-э! Ты не сдохни, смотри. О, очнулся что ли? – обеспокоенный и одновременно злой голос Цыгана доносился до Тарча словно издалека. – Ты давай не дохни. Я тебе жгуты наложил, торопился, старался. Живчика в тебя влил почти весь, что был. Надеюсь, ты оправдаешь мои ожидания. Оправдаешь ведь, парень, а? Часа три-четыре ты точно протянешь без проблем. Протянешь ведь, да? Смотри, я на тебя рассчитываю. Ну, ты очнулся же, вижу. Не болит пока? Это хорошо. Сейчас заболит; ты не терпи, кричи. Кричи, только погромче. Очнулся же?

Тарч приходил в себя, но никак не мог понять, что происходит. Ног он не чувствовал, но и руки слушались слабо, только пальцами пошевелить и получалось. Ему пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть стоящего сзади Цыгана. Рейдер, как оказалось, не просто стоял, а затаскивал его, взяв подмышки, волоком на одну из лавочек в центре парка. Тарч попытался спросить, что произошло, но непослушные губы только слегка открылись, и издать вышло лишь лёгкий стон. Цыган уловил это движение и ответил:

– Подстрелить тебя пришлось, парень. Видишь, дела какие. Дяде нужен жемчуг. Дяде нужен хотя бы горох, а дяде не прёт из-за кого-то неудачника, которому помогли, а он охоту портит. Ты уж не сердись на дядю, парень. Всё у тебя будет хорошо, если поможешь. Обещаю, отлежишься. Живчика оставлю, споранов, водки, еды. До перезагрузки долго ещё. Город скоро опустеет. Отлежишься и выйдешь без проблем. Ноги быстро срастутся, мы же в Улье. А сейчас помоги дяде, ладно, парень? Сейчас шок отпустит, тебе больно станет, и ты кричи. Погромче кричи, ладно? Кричи так, чтобы все сбежались. А я тебя прикрою. Ты не беспокойся, дядя тебя хорошо прикроет. Никто тебя не тронет. Дяде ведь нужна живая приманка, да? Не мёртвая. Да и разве можно это, не помочь свежаку? Дядя поможет, чтобы Улей не сердился. Прикроет, а потом посадит в хорошее надёжное место отлёживаться. Только ты кричи, хорошо?

Последнюю фразу Цыган говорил уже стоя в шаге от подстреленной жертвы, вскидывая ремень винтовки за шею. Тарча заморозил контраст между дружелюбным тоном рейдера и тем, что он превращал его, Тарча, в живую приманку. Он сумел ответить только что-то вроде «хоршол ты», потому что сначала решил сказать «хорошо», а потом сообразил, что совсем это не «хорошо», и захотел послать в задницу и напарника, и его изуверскую задумку, но в итоге запутался в словах. Кроме того, шок действительно отступил, и боль из обеих простреленных ног электрическим разрядом прошла от колен до самой макушки.

И Тарч закричал. От крика становилось легче, боль на несколько секунд отступала, её можно было терпеть, ограничиваться стонами, но затем она быстро нарастала, простреливала тело, и кричать приходилось снова. Иногда хотелось быть упрямым. Тарч стискивал зубы, терпел, но если молчал слишком долго, Цыган напоминал о себе, и рядом в тротуарную плитку врезалась винтовочная пуля.

Рейдер стрелял теперь чаще – мутанты на крики умирающего человека пёрли недуром, а убивать их приходилось ещё на подходе, пока не добрались до приманки. Тарч даже подумал, что будет, если у охотника кончатся патроны, но очередная вспышка боли выбила из головы и эту мысль.

Ощущение времени пропало. Сколько продолжалась охота? Десять минут? Или день склонялся к вечеру? Тарч несколько раз слышал рык тварей, которые, судя по издаваемым звукам, были существенно больше тех мутантов, которые приходили на площадь раньше, и Цыган наверняка был доволен приманкой. Вот только сдержит ли обещание? Отнесёт ли человека с переломанными, практически оторванными ногами в безопасное место, и оставит ли припасы? Справится ли повышенная регенерация иммунного с такими ранами? Восстановятся ли ноги до следующей перезагрузки кластера? Ответов не было, но, лёжа в окружении мёртвых тел, под пристальным вниманием десятков мутантов человеку нужно было о чём-то думать, прокручивая мысли в голове бесконечной каруселью.

Внезапно все шумы стихли. Не гремели потревоженные мутантами автомобили, не доносились с крыши высотки выстрелы. Даже стоны свои Тарч перестал слышать и вдруг осознал, что острая боль отступила. Странно, но Цыган больше не стрелял, стараясь подстегнуть приманку на создание необходимых шумовых эффектов. «Может, сожрали его? Нашли всё-таки?» – пронеслось в голове, но было непонятно, радоваться смерти бывшего напарника или нет. С одной стороны, было бы приятно осознать, что поступок Цыгана не остался безнаказанным, и Улей быстро и жестоко отомстил за обиду, нанесённому ещё не успевшему покинуть свой кластер «свежаку». С другой стороны, живой Цыган для Тарча – это хоть какой-то шанс выжить. Мёртвый же Цыган – это гарантированная гибель и для Тарча тоже.

– Ну вот, парень. Ты боялась, а только юбочка помялась, – с добродушным смешком, расплывшийся в улыбке, на границе зрения появился Цыган. – Сейчас дядя соберёт тут всё, и решим, что с тобой делать.

Некоторое время рейдер бродил по площади, вскрывая споровые мешки, и подошёл к Тарчу уже собранный в походное положение, с винтовкой на груди и заброшенным за плечи рюкзаком. В руках он держал бутылку водки, полторашку воды и небольшой тканевый свёрток.

– Держи вот. Дядя сегодня добрый. В водку, прямо в бутылку, кинешь споран. Один только, не больше. Вболтаешь. Потом процедить надо, но второй бутылки нет, извини. Пей через тряпочку, справишься. Когда со здоровьем беда – можно хоть полбутылки за сутки выпить, это помогает. Жри вот ещё, на, – Цыган достал из бокового кармана штанов одну за другой две банки тушёнки. – До утра хватит. А там вон в продуктовый сбегашь, – рейдер кивнул на разгромленный кем-то магазин *Spare*, расположенный метрах в ста, в одном из прилегающих к площади зданий, и довольно рассмеялся собственной шутке. – А дядя свежаку помог, и дядя валит.

Цыган, аккуратно переступая через тела мутантов, начал обходить лежавшего Тарча, когда со стороны «Ростелекома» раздался звук сминаемого автомобиля и негромкое урчание такой силы, как будто там одновременно завелось несколько старых «КАМАЗов». Рейдер мгновенно развернулся, привычным движением рук скидывая винтовку с шеи, слегка присел и замер. В движениях появилась нерешительность. Вскинул оружие и тут же опустил. Сделал шаг в сторону, споткнулся о подвернувшуюся ногу мутанта, присел и так же неожиданно, как в первый раз, исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.